

Интервью с Олегом Витальевичем СУХАНОВЫМ

«ТАК ЧТО ГЛАВНОЕ – НАЙТИ БАЛАНС»

Суханов О. В. – окончил исторический факультет Российского Государственного Университета им. А. И. Герцена, одновременно получив образование в области социальной психологии (1976 г.). Кандидат социологических наук (1991 г.). Член совета директоров Московско-Питерской консультативной фирмы «Росполитконсалтинг».

Основные области научного интереса: общественное мнение, электоральное поведение, политические технологии, политическое консультирование

Интервью состоялось: февраль 2016 – апрель 2017 гг.

Прежде, чем писать вводный текст к интервью с Олегом Витальевичем Сухановым, я решил посмотреть, с каким числом ленинградских / петербургских социологов у меня уже состоялись беседы. Оказалось, что Олег Суханов – 51-й.

Моим первым собеседником в далеком 2005 году был Борис Максимович Фирсов, я понимал, что с тех пор многие мои земляки (живя более 20 лет в США, я продолжаю считать себя ленинградцем/петербуржцем) поведали мне о своей жизни и работе, но не думал, что это – полсотни человек. Здесь и те, кто создавал в нашем городе, а по сути – в стране, социологию, и те, кто лишь недавно вошел в наш профессиональный цех.

Олег Суханов вспоминает: «В моей трудовой книжке есть запись: “Зачислен на должность научно-технического сотрудника, временно”. И дата – 09.01.1978. А сверху – штамп ИСЭП АН СССР». Таким образом, он работает в социологии без малого 40 лет. Я тоже тогда работал в ИСЭП, так что и знакомству нашему столько же лет. Но только сейчас, я, наконец, узнал – пусть немного – о его пути в социологию и о сделанном им. В моей профессионально-возрастной стратификации российских социологов Олег принадлежит к младшей части четвертого поколения, и в его биографии есть явные приметы этого. Эта когорта входила в социологию уже с определенной подготовкой, и ее представители были первыми в серьезном освоении компьютерных технологий.

В полусотне интервью с петербургскими социологами немало тех, кто изучал и изучает общественное мнение жителей города. Боюсь кого-либо не назвать, но все же: Д. Гавра, В. Гельман, М. Илле, Л. Кесельман, Р. Могилевский, Т. Протасенко, Б. Фирсов. Теперь – и О.Суханов. Участвовали в подобных исследованиях и другие, но не столь активно и продолжительно. Во всяком, случае, когда будет серьезно изучаться история исследований общественного мнения в Петербурге, в ней найдет отражение пионерный опыт Суханова в разработке выборки для телефонных опросов. Да, теперь все иначе, но ведь он начинал...

Сокращенный вариант интервью с Олегом Сухановым опубликован в издании «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2017, №4. С. 10-14.

О. В. Суханов: «Так что главное — найти баланс»

Олег, мне кажется, Вы пришли в Институт социально-экономических проблем АН СССР в начале 1970-х, по-моему, окончив исторический факультет Педагогического института им. Герцена... я так запомнил, потому что Вы как-то заметили, что учились вместе с Евгением Анисимовым, а о нем все написано в Вики. Так ли это? Так — не так, но в любом случае у Вас были до-ИСЭПовские годы. Давайте немного поговорим о них... Вы ленинградец? Что вы знаете о своей родительской семье? Какого происхождения Вашей фамилии — Суханов?

В моей трудовой книжке есть запись: «Зачислен на должность научно-технического сотрудника, временно». И дата — 09.01.1978. А сверху — штамп ИСЭП АН СССР. Но пришел я в институт двумя или тремя неделями раньше и абсолютно в «советском стиле» — по знакомству. Причем — двойному.

Я был знаком с Б. Д. Парыгиным по факультету общественных профессий в институте им. Герцена. Было такое структурное подразделение дополнительного образования. Борис Дмитриевич основал факультет социальной психологии, который я и закончил, даже писал дипломную работу под его руководством. Понятно, что основное место обучения — исторический факультет, оставался обязательным местом учебы.

А вернувшись из армии после года службы, пришел в родной институт с надеждой устроиться в лабораторию социальной психологии при этом факультете. Но моя очень хорошая знакомая, почти родственница, в отделе кадров, огорчила — Парыгин больше здесь не работает, но если я хочу — она может ему позвонить на его новое место работы. Естественно, я хотел. И буквально через неделю я уже был в ИСЭПе у Парыгина на собеседовании.

До сих пор не знаю — что было важнее, звонок из отдела кадров, или мой «гениальный» диплом. Но через две недели я уже работал, правда, по временному штатному расписанию.

Новелла о референтной группе

Примерно в это же время я сблизился с Женей Анисимовым. Мы и раньше были знакомы, принадлежали к одной референтной группе. Но он был самым взрослым членом этого сообщества, закончил истфак за два года до моего поступления, а я — самым молодым. Тесное общение с ним продолжалось очень долго, хотя сейчас стало весьма эпизодическим.

Круг общения в этой «тусовке» включал в себя выпускников разных лет исторического факультета Герценовского института. Были и филологи, и артисты (особо известными не стали, но в кино я их вижу регулярно), художники, даже архитектор. Тогда я не совсем понимал, на основании чего возникла положительная комплементарность в нашем общении. Все были разными, с очень разными интересами и желаниями. Пили кофе в Сайгоне, обменивались книгами и мыслями о книгах, практически не употребляли спиртного по нынешним понятиям.

Одно время, каждое воскресенье, в 8 часов утра ходили в баню, на «первый» пар. Баню топили дровами, и первый пар был особенно ценен. В воскресенье, в 8 утра, «простой» человек не мог попасть в баню, да и таких желающих в такую рань не было. В это время суток в баню на Мойке ходили только вот такие группы по интересам.

Кроме нас, гуманитариев, были еще две или три другие «тусовки», но мы всегда с ними сосуществовали очень мирно. Занимали «свои» места в раздевалке, тазики ставили тоже только на свои места, даже в парилке роли были довольно строго распределены, особенно в первом заходе. Парилку готовили специально избранные. Я очень часто попадал на эту роль, скорее всего по причине «молодости». Никогда никто не употреблял спиртного, хотя банщик Серега постоянно предлагал. Но зато разговоры были ну очень интересными и долгими. Так что время летело незаметно, обычно банщик часов в 11 или 12 всегда нам говорил, что пора и честь знать. Очередь уже выстроилась.

Много позже, уже изрядно потрудившись в ИСЭПе, я «открыл» для себя причину нашего взаимного сближения. Как-то раз, на концерте Жванецкого, я услышал такую фразу: «Причем здесь борщ, когда такие дела на кухне». беру в кавычки как цитату, хотя воспроизвожу по памяти. Так вот, для каждого из нас, может быть и не для всех без исключения, всегда на первом месте стоял борщ. Именно это было в стереотипе поведения нашего сообщества по интересам, так я думаю, главным и максимально одобряемым. Возможно, что я ошибаюсь, даже, скорее всего – ошибаюсь. Главное – в другом, такую максиму я вынес и сформулировал для себя благодаря принадлежности к этой референтной группе. Пользовался и продолжаю пользоваться этим правилом, как бритвой Оккама, до сих пор. Не стоит без нужды умножать сущности.

Новелла о счастливом детстве

Родился я в 1955 году в большом селе Гавры Псковской области. Это последний населенный пункт РФ перед границей с Латвией. Сейчас до границы от центра села около трех километров. А тогда, конечно, никакой границы не было, и мы ездили на велосипедах купаться на речку, которая теперь уже находится в Евросоюзе.

В селе была большая школа, третий этаж которой был детским домом. В 2015 году я побывал в школе и с удивлением прочел на мемориальной доске, что, оказывается, во время войны в школе был концлагерь. Но когда я учился, это никогда не обсуждалось. Так что каждый класс состоял из двух частей – детдомовцев и сельских, так нас называли ребята из детского дома. Не помню, что бы между нами были конфликты, но помню, что детдомовцы всегда крепко держались друг за друга, даже на уроках. Так что нам, сельским, даже в голову не приходило, как сейчас бы сказали, «наезжать», на кого-либо из ребят или девчонок из детского дома.

Но и дружбы сельских с детдомовскими не было. Я даже фамилий детдомовских ребят не смогу припомнить, хотя почти всех сельских помню даже сейчас. Впрочем, одну детдомовскую девчонку помню. Фамилия у нее была – Кутузова. Очень колоритная девочка, самая маленькая и худющая, но очень бойкая. Как только она появлялась где-нибудь, то все хором кричали: «Идет Кутузов бить французов». Кроме всего прочего на экраны в это время вышел фильм «Гусарская баллада». Все смотрели его по несколько раз и, само собой, играли только в это кино.

Одно из самых сильных впечатлений детства это поездка в Пушкинские Горы. Это рядом, по прямой около 60 км. Каждый год старшеклассники в мае ездили туда на какой-то слет, типа туристического. И вот в году 61 или 62 поехали ребята, у которых классным руководителем была моя мама. Меня взяли. Из всех соревнований я видел только, как команды разжигали костры при помощи наименьшего количества спичек. Победили наши, которые это сделали с одной спички. Ну, детдомовские и не такое умели – вообще могли без спичек костер развести.

Все время мы с мамой провели в Тригорском и Михайловском. Особенно запомнился пеший переход из Тригорского в Михайловское. Этой тропой, по словам мамы, часто пользовался Пушкин, когда ходил в гости в Тригорское. Места там очень красивые, а весной так и вообще волшебные. Все запомнилось очень хорошо и отчетливо, как будто было только вчера. С тех пор всегда интересуюсь Александром Сергеевичем и даже школьной учительнице русского языка не удалось его убить второй раз. Это я цитирую свою мать, которая так же была учительницей русского языка и литературы. Она иронично так говорила – Пушкина убили дважды, один раз на дуэли, второй – на уроках литературы в школе.

Новелла о послевоенном детстве

Замечу, что о Войне в моем детстве напоминало очень многое. Вокруг были еще не вполне заросшие окопы, в которых мы естественно играли в войну. До речки было далековато, и мы купались по-быстрому в воронках от снарядов. Летом там всегда скапливалась вода и была она, страсть какая теплая, но очень быстро меняла цвет – становилась мутной и желтой. В моих карманах постоянно мать находила осколки, гильзы. А когда нашла целый винтовочный патрон, то скандал был грандиозным. В школу я еще не ходил. И тогда мне мама рассказала, что однажды одна из учительниц на уроке обнаружила у одного ученика пистолет. Принесла его в учительскую и коллективное обсуждение закончилось выстрелом. Пуля прошла в сантиметре от головы моей мамы, пробила навывлет дверь в учительскую. По счастливой случайности за дверью никого не было.

Рассказ произвел на меня очень сильное впечатление и уже на следующий день все мои друзья были на «экскурсии» в школе. Дырка в дверях учительской была. Мой авторитет вырос неимоверно. Правда, боеприпасы пришлось теперь прятать вне дома.

В 1961 году большинство моих приятелей пошли в первый класс. Я остался один, и стало очень скучно. Так продолжалось два или три дня. А потом я просто пришел в школу и прямо во время урока зашел в первый класс и уселся на свободное место, заявив, что я тоже буду здесь учиться. Учительница, надо отдать ей должное, не кричала и не устраивала сцен. Она только спросила – знает ли об этом моя мать? Я честно ответил, что нет, не знает, я сам пришел!

И я стал ходить в школу, появились учебники, тетради. Все как у всех. Только к доске меня не вызывали. Об этом я спросил у мамы – почему? Она ответила, что меня пока не записали в журнал, вдруг передумаю! Лучше бы она этого не говорила, потому что недели через три или четыре случился очень дождливый и страшно тоскливый понедельник. Очень хорошо помню это утро – я долго смотрел в окно, тяжело вздыхал, и, попив чаю и съев дежурную кашу, сказал – все, в школу не пойду! Родители отреагировали совершенно спокойно, не уговаривали, не стыдили, не кричали. Просто сказали – все равно не отвертись, пойдешь через год.

В школе работала моя мать, а отец был председателем колхоза, правление которого как раз и находилось в селе.

Первую четверть третьего класса я еще учился в Гаврах, а вот вторую начал уже в Резекне, в Латвии. Это недалеко – всего 70 км. Город небольшой и стоит он на перекрестке двух больших дорог: Санкт-Петербург – Варшава и Москва – Рига. В этом городе я и закончил школу.

Где-то до 4 класса учился хорошо, а потом футбол и рыбалка затмили все. От скатывания в хронические двоечники и второгодники сдерживало только то, что мать знали все учителя, и любой мой «подвиг» тут же становился известным родителям. К 6 классу ко всем проблемам присовокупились проблемы с девчонками. В общем, в этот период времени родители хлебнули лиха со мной полной чашей! В классе 5 меня даже отчислили за плохое поведение и слабую успеваемость, но ... только из футбольной школы. Месяца два или три не пускали на тренировки. Потом все как-то образовалось и вошло во взаимоотношное русло. Так продолжалось почти до конца 8 класса, правда, экзамены, к своему полному удивлению, я сдал хорошо. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что месяца за два до экзаменов я получил травму и почти все время проводил дома в бинтах и воняя всякими мазями.

Я всегда много читал, сколько себя помню, а когда мама поняла, что прямым принуждением от меня почти ничего нельзя добиться, она избрала другую тактику. Книгу оставит на видном месте с закладкой, журнал из школьной библиотеки принесет и «случайно» положит так, что бы я обязательно наткнулся на ту статью, которую я должен был обязательно, по ее мнению, прочитать. Все эти «хитрости» я, конечно, очень быстро раскусил, но виду не подавал, потом просто привык и уже просил приносить журналы. Подписаться, чтобы получать эти журналы на дом, было практически нереально. В это же время я перебрался из детской библиотеки во взрослую. Записывать меня не хотели, но мать уговорила библиотекаря – она когда-то у нее училась.

Так, из принесенных мамой журналов, я и узнал, что есть такая наука социология. Скорее всего, это был журнал «Знание – сила!». Чья была статья – не помню! Хотел пойти в Публичку и освежить память, но потом решил – так будет естественней, воспоминания они и есть воспоминания. Содержанием статьи я поделился с тогдашним моим приятелем Петькой Жуковым. Мы с ним живо обсуждали возможности, которые дает эта наука, но, насколько помню, дело не дошло до «воплощения в жизнь».

А потом, уже в 10 классе, я поступил на подготовительные курсы МГУ, самое странное для меня до сих пор – на юридический факультет. Курсы закончил успешно, но приглашения приехать на экзамены не дождался. Мама уговорила ехать в Ленинград и поступать в Герценовский институт, на исторический факультет. Что я и сделал.

Новелла о фамилии

Впервые заинтересовался происхождением своей фамилии, когда был студентом исторического факультета. Поехал с родителями на свадьбу двоюродной сестры, до свадьбы была Сухановой. Собралась куча родственников, почти всех видел впервые в жизни – какие-то дяди и тети, свояки и свояченицы, двоюродные и троюродные племянники и племянницы и так во множестве. Один племянник меня вообще вогнал

в ступор – он был лет на 5, а то и больше, старше меня! Каких только фамилий я не слышал! Тут были и Матвеевы, и Григорьевы, и Сорокины, – это только кого запомнил! Но Сухановы были только мы.

Позже я несколько раз возвращался к этому эпизоду, пытаюсь выяснить у родителей подробности истории семьи. Но это было редко – с 17 лет я жил отдельно от них и общался непосредственно в лучшем случае раз в год. А то и реже. Письменные и телефонные контакты, конечно же, были постоянными, но обычно все сводилось к обсуждению текущих вопросов бытия. Я только обратил внимание на то, что и папа, и мама довольно скупой и осторожно, без подробностей, рассказывали о своих родителях.

История семьи Сухановых – Яковлевых в самом кратком изложении

Когда я высказал удивление обилием родни, моя мама сказала: «Ты еще моих родственников не видел. А от Санкт-Петербурга до Варшавы, эта дорога существует с незапамятных времен, пожалуй, что и нет такого кладбища, где бы не лежали наши родственники в том или ином колене».

Итак, Суханов Виталий Васильевич – мой отец, Суханова (урожденная Яковлева) Ольга Андреевна – моя мать. Соответственно дед Василий и дед Андрей.

Семья деда Василия, как и семья деда Андрея, жили до 1917 года в Санкт-Петербурге (в момент их отъезда – Петроград).

Дед Василий был рабочим, дослужился до мастера, после начала войны в 1914 – работал на пороховом заводе. У деда уже был сын Федор, родившийся в 1910 году (дядя Федя). После Октябрьского переворота уехал с семьей в Витебскую губернию (Латвии еще не было), приобрел хутор недалеко от тракта Петербург – Варшава. С этого момента известен под фамилией Суханов. По словам отца – во время жизни в Санкт-Петербурге фамилия была другой.

Дед Андрей был военным, служил в запасном полку в Гатчине. Полагаю, что офицерского чина не имел, возможно, был вольноопределяющимся. По словам матери, воинская часть в которой служил дед Андрей, принимала участие в событиях связанных с отречением и последующим арестом царя. Именно после этого дед переезжает в Витебскую губернию и покупает мельницу. Это с другой стороны того же тракта – Санкт-Петербург – Варшава. С этого момента известен под фамилией Яковлев. Во время службы у деда Андрея была другая фамилия.

Я пишу аккуратно «стал известен». Как в одном, так и в другом случае документов не сохранилось. А то, что мне удалось узнать о дореволюционном прошлом дедушек и бабушек – это устные свидетельства, хотя и родных мне людей, но попадающих в категорию «третьих лиц». Помня о том, что родители очень неохотно и весьма скупой все это рассказывали, считаю, что у них были на это свои причины. И такие причины были у многих сотен тысяч людей, попавших под пресс красного колеса. Поэтому, как есть, так и есть.

Дед Василий прожил долго и умер, когда мне было 9 лет. Я его помню – он был высоким и весьма сухощавого телосложения. Как-то моя мать в сердцах назвала его «дедом Суханом». Это довольно распространенное прозвище, которое могло быть основой фамилии. Однажды мы гостили у него на хуторе. Родители уехали куда-то по делам. И дед взял меня с собой в церковь. Из этого посещения мне запомнилось только одно – он был самым высоким среди всех прихожан. Когда родители верну-

лись и спросили меня, чем я без них занимался, я тут же с гордостью сказал: «А мы с дедушкой ходили ... в Кремль!». Дед страшно рассердился и дня два или три со мной не разговаривал. Родители смеялись.

Бабушку Настю совсем не помню, она все время болела и не вставала.

Сейчас на хуторе живет моя старшая двоюродная сестра со своим семейством. Другая сестра – в соседнем маленьком городишке в Латвии.

Деда Андрея мне увидеть не удалось – его расстреляли немцы, когда эвакуировали концлагерь Саласпилс. В этот лагерь попала вся семья деда: он, его жена и все четыре дочери, моя мама была самая младшая. Все выжили, погиб только дед. Эпизод с его расстрелом есть в книге о концлагере «Саласпилс». Произошло это уже где-то в Германии.

Попытки мамы найти место захоронения деда к успеху не привели. На все ее запросы немецкому правительству пришли отрицательные ответы. Последний такой запрос датирован 2002 годом.

Бабушка Мария после войны жила в маленьком домике недалеко от мельницы деда. Когда совсем состарилась, ее перевезли к старшей сестре мамы – тете Вале под Одессу. Там она и похоронена.

Естественно, что все имущество деда Андрея после войны было национализировано государством. В советское время на месте мельницы построили льнозавод. Существует он и сейчас, правда не знаю – работает ли.

Моя мать всегда говорила, что я – «вылитый дед Андрей», или «дед Андрей так же говорил, как и ты сейчас». Когда она узнала, что я стал заниматься социологией, то сказала: «Деду Андрею это понравилось бы, он очень любил во всем этом разбираться». Так что Высочайшее одобрение можно сказать я получил.

Отец оказался в оккупации, в армию его не успели призвать после присоединения Латвии к СССР. Был задержан немцами с целью отправки на работу в Германию. Ему удалось выпрыгнуть на ходу из вагона поезда и бежать. После долгих скитаний – перешел линию фронта и уже через полгода оказался в действующей армии. Воевал в армии Баграмяна. Победу встретил в госпитале в Вышнем Волочке, получил множественные ранения в одном из боев. Хотел поступать в военное училище – но не прошел мандатную комиссию (был на оккупированной территории). Окончил Сельскохозяйственную Академию в Москве – ускоренные курсы зоотехников. Несколько лет был председателем колхоза, потом просто рабочим на заводе.

Мать, после того как узников Саласпилса освободили где-то под Кёльном американцы, училась в Ленинграде в Педагогическом институте. Тогда их было два – им. Герцена и им. Покровского. Потом их объединили, и остался только им. Герцена. До войны она успела закончить Рижскую, русскую, классическую гимназию, как и все ее сестры. Дед Андрей серьезно занимался образованием своих детей. Так что все они знали языки, в том числе классические – латынь и древнегреческий.

Мама умудрилась закончить аж четыре факультета: иностранных языков (немецкий), русский язык и литература, географический и естественный, в то время был такой факультет – изучали физику, химию, биологию и зоологию. Но насколько я помню, всегда преподавала только немецкий и русский язык и литературу. Химию и физику не могла преподавать – после Саласпилса не переносила никого резкого запаха.

Мать – учительница, жили в местах, буквально пропитанных прошлым, так что Ваш выбор исторического факультета Герценовского института смотрится вполне естественным. Как пошла учеба? Школа в небольшом Резекне подготовила Вас к учебе в Ленинграде? «Сайгон» и баня (на Фонарном пер.?) – места более, чем знакомые мне, не отвлекали Вас от размышлений над книгами?

Новелла о «зоне этнического контакта»

Я бы сказал так – подготовила не столько школа, хотя куда же без школы, сколько то, что Гумилев называл «зоной этнического контакта». Если в Гаврах я был в моно этнической среде, то в Резекне оказался в поли этнической. Но это я сейчас так говорю, а тогда был не столько шок, сколько удивление.

После окончания второго класса на семейном совете мне было сказано, что осенью мы переезжаем жить в Резекне. И мне придется учить латышский язык, поскольку его изучают, начиная со второго класса. На что я ответил, что это, мол, не страшно, у деда в деревне я уже общался с соседскими ребятами и латышский я знаю. Родители не стали меня переубеждать. Каково же было мое удивление, когда я на первом уроке латышского языка понял только одно слово. Вот тогда родители и объяснили, что в деревне у деда я общался не с латышскими ребятами, а с латгальцами. А это хотя и очень похожий, но все-таки совсем другой язык. И живем мы теперь в той части Латвии, которая называется Латгалией. Но теперь язык для всей Латвии один – латышский.

Так окружающий мир в один миг сильно усложнился. И вопросов к этому миру стало значительно больше. Почему я почти понимаю, что говорят латгальцы, и ничего не понимаю, что говорят латыши? Почему немцы построили замок, а город вокруг замка – Екатерина вторая? Почему в латышском городе русских школ много, а собственно латышская всего одна? Латыши это наши или не наши? А староверы? Они вообще говорят только по-русски, но общаться с ними было бесполезно, в лучшем случае только скажут в ответ – здравствуйте, и все! Может показаться странным, но в пору моего детства, старовер было почти ругательным словом, и употребимым весьма часто. Только позже я узнал научный термин – речь шла о старообрядцах.

Каждый день, направляясь в школу, я проходил через площадь, где с одной стороны стояла православная церковь, а с другой католическая. Между ними по диагонали располагался памятник Ленину. И смотрел Ленин с характерным прищуром как раз на запад, в сторону католического строения. Теперь, конечно, памятник Ленину убрали.

Я и по сей день весьма чувствительно воспринимаю российские говоры. Так, к примеру, будучи в длительной командировке в Курске, уловил особенности речи курян и только несколько позже узнал, что такое «суржик». Вообще, южно – русские говоры, ростовский, краснодарский и даже воронежский, довольно легко вычисляются. Между прочим, иногда можно заметить и внешние отличия людей, особенно мужчин. Так, находясь в Орле, я обратил внимание на весьма своеобразный внешний облик орловских мужчин: явно удлиненное и широкое лицо с довольно грубыми чертами, как бы вырубленное из камня. А в Курске при первом же посещении местного музея пожилой экскурсовод сразу «вычислил» нас как представителей другой «земли» и совсем не удивился, когда узнал, что мы из СПб.

Новелла о первом научном открытии

Оно не сделало меня великим и знаменитым, но то, что это было именно Открытие, вот так, с большой буквы, я не сомневался и гордился этим в тайне от окружающих. И я сделал это открытие САМ, мне никто об этом не рассказывал. Тот факт, что это знали все, меня не волновал.

Я уже знал, как латгальцы и латыши называют русских. Это было как раз то единственное слово, которое я распознал на первом уроке латышского языка. И вот, листая учебник истории с картами, я обнаружил, что было такое славянское племя как кривичи. Территориально они жили рядом с латгальцами. Никаких русских тогда еще не было, а помимо кривичей были поляне, древляне, словенцы, чудь и еще много каких племен. Так что латгальцы называли людей из соседнего племени родовым именем – кривич. А уже потом и всех тех, кто жил в сторону Пскова и Новгорода. Так, имя соседнего племени перешло на более широкое объединение людей, живущих по соседству. А затем и на все население соседнего государства в целом.

Это открытие переполняло меня, мне казалось, что я владею некой «военной тайной!»

Новелла о роли Астрономии в школьном образовании

Так что в школе, особенно до 8 класса меня интересовала только история и отчасти – литература. Но на первых местах был футбол и рыбалка.

Так получилось, что учителем истории с 5 по 10 был один и тот же человек – Янина Владиславовна. Она как то быстро поняла, что я читаю немного больше того, что написано в учебнике. Не помню, что бы она меня вызывала к доске, но почти на каждом уроке задавала вопрос классу, а что еще нам известно по теме и тут выразительно смотрела на меня (мне так казалось).

По литературе мне особенно нравилось писать сочинения, изложения не любил, но писал исправно. Хотя с русским языком были проблемы – из-за невнимательности я допускал много грамматических ошибок.

Но самым ярким впечатлением от школы оказались уроки астрономии! В шестом классе я перешел в новую школу, ее только что построили. Школа была своеобразной – обучение было совместным: два параллельных класса – русские, один, третий, – латышский. То есть в первых двух учили только на русском, в третьем – только на латышском. Так что я закончил русско-латышскую школу.

Понятно, что директором в такой школе мог быть только латыш! Как раз первый директор школы и оказался моим будущим учителем астрономии. Судьба сводила меня с директором всего два раза. И каждый раз он меня удивлял.

Буквально с первого дня занятий в новой школе начались игры на кубок им. Героя Советского Союза Иманта Судмалиса. Так получилось, что в новой школе в шестых классах оказались почти половина ребят из городской футбольной школы. Поэтому мы легко прошли городской уровень, выиграли зональный отбор и к концу октября поехали в Вентспилс на финальную часть. И в финале, хотя и не без труда, одержали победу. Домой возвращались с кубком – огромной деревянной вазой, инкрустированной янтарем. Наш тренер, учитель физкультуры Гена (так мы его называли за глаза), мужик под два метра ростом и с бицепсами как у тяжеловеса, в Риге для кубка даже специальную сумку купил.

Поезд из Риги приходил далеко за полночь, и кто-то из ребят увидел на перроне вокзала Директора! Поскольку большинство игроков, если не все, были ТэВешниками и уже имели печальный опыт общения с директорами своих прежних школ (педагогический термин – трудно воспитуемый), то в вагоне началась паника – спасайся, кто может! Бросились в соседние вагоны, кто-то просил проводницу открыть противоположную дверь и т.п. Однако тревога оказалось напрасной – это была торжественная встреча победителей! Директор пришел не один, а с девчонками из латышского класса и они все были с цветами!

Еще два или три месяца мы между собой обсуждали этот эпизод, но в наших воспоминаниях не было ни девчонок, ни цветов. Директор удивил всех, и это будоражило наше сознание.

Второе удивление – это первое сентября в 10 классе. Тогда это был обычный учебный день и сразу после общешкольной линейки начались уроки. Как раз первым уроком и была астрономия. До того как прозвенел звонок, мы не знали, кто именно будет преподавать этот предмет. В расписании фамилии учителя не было. И когда вошел Директор, мы решили, что он просто замещает предметника.

Он был невысок ростом – «калибр Ядов – Парыгин». Первый «богатырь» из трех, сыгравших в моей судьбе определенную роль. И, как всегда, элегантен. Безукоризненный темно-серый костюм, дорогой в тон галстук и белоснежная рубашка. Про туфли я просто молчу. Это всегда были именно туфли, а не ботинки.

Мягко говоря, до этого дня, то, как говорит директор, никто из нас практически не слышал. На ковер к нему мы не попадали – все разборки злодеяний заканчивались в кабинете завуча. На школьных собраниях он выступал редко, да и чаще всего – по-латышски.

Как оказалось, он не просто хорошо говорит по-русски (акцент был, но едва уловимый), но и **ОЧЕНЬ** правильно говорит. Гораздо правильнее, чем наша классная дама, по совместительству учительница русского языка и литературы. Ни одного слова паразита, никаких междометий, никаких ошибок в ударении, очень образно и метафористично.

Его негромкая (за весь год он ни разу не повысил голос) речь буквально завораживала. К концу урока весь класс сидел с открытыми ртами – такого никто из нас еще не видел и не слышал.

И что оказалось:

– по астрономии **НЕЛЬЗЯ** получить двойку. По крайней мере, я не помню, что бы кто-нибудь ее получил. Хотя до этого в среде учеников бытовало убеждение, что двойка – это главная цель и почти что наслаждение для некоторых учителей. Это было видно по их глазам в момент, когда они выводили это число в дневнике и журнале. Так что учеба сводилась к тому, чтобы не дать возможности учителю испытать это наслаждение;

– астрономия это очень интересное путешествие, после которого уже нельзя быть прежним. Так происходило почти на каждом уроке. К тому времени я уже побывал почти во всех городах Латвии и ближайших городах РФ. Но это были поездки, а вот в **ПУТЕШЕСТВИЕ** я отправился только сейчас, на уроках астрономии. Правы были древние греки – без путешествия нет образования;

– астрономия это очень философская дисциплина. Конечно, я был наслышан о философии и знал, что есть философские факультеты в университетах. Но что бы вот так, что называется, запросто все 26 человек, мальчики и девочки, начали фило-

софствовать, иногда, правда, заикаясь от страшных слов, не мог себе и представить. Конечно, теперь-то я знаю, что философией, как и корью, лучше переболеть в юности. И самая хорошая прививка от этой болезни – это астрономия.

Удивительным в этой истории является то, что интерес к астрономии у меня никак не связался с космосом. Все полеты в космос прошли мимо меня. Конечно, я был «в курсе», но не более того. Уже много позже, подрабатывая экскурсоводом в Петропавловской крепости, я так и не смог освоить маршрут по газодинамической лаборатории (ГДЛ). Да и сейчас я равнодушен к этой тематике.

А вот детская болезнь интереса к философии, которую спровоцировали уроки астрономии, затянулась надолго.

Проблемы выбора места обучения, да и с предметной областью, у меня практически не было. Подходил только Петербург (в семье это название города звучало чаще, чем Ленинград) и только исторический факультет. При этом мать настояла на Герценовском институте, который заканчивала она сама.

В августе 1972 года я успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом историком.

Новелла о пользе чтения чужих писем

Первое впечатление о начале студенческой жизни в моей памяти свежо и сейчас – это ощущение свободы и бесподобно большое количество свободного времени. На фоне моей «занятости» в школе это было просто уйма, когда день вдруг стал гораздо длиннее, и его НАДО было САМОМУ занять чем-то содержательным. Здоровье так и пёрло из меня, как весенняя трава под лучами солнца, тело требовало действий.

Поселился я у дальних родственников в переулке Пирогова – сын хозяйки ушел в армию и его комната была свободна. Это в двух шагах от исторического факультета. Никакого контроля, никаких тренировок, о рыбалке я сразу забыл вообще. И, наверное, «пьянящее чувство свободы», как говорилось в известном фильме, сыграло бы со мной злую шутку, если бы не одно событие, оказавшее на меня весьма существенное влияние.

Понятно, что новые знакомые, большой город, необременительная учеба – все предметы любимы с детских лет, создавали благоприятную почву для юношеских «подвигов», которыми я и занялся буквально через несколько дней после начала занятий. Но окунуться с головой в этот привлекательный мир новых ощущений мне не удалось. Кроме лекций и семинаров я очень быстро пристрастился к посещению букинистических магазинов, которых в центре в то время было много (так мне казалось). Почти ежедневно сразу после занятий я их обходил и не только с целью что-либо купить, сколько просто покопаться в книгах, что-то вычитать, присмотреться к возможному будущему приобретению (денег, конечно, не хватало, но была надежда уговорить родителей на покупку нужной книги).

И вот где-то в середине декабря 1972 года я купил какую-то книгу – к стыду своему сейчас уже не помню, какую именно. Дома захотел ее почитать и по привычке стал сначала ее пролистывать, пробежать глазами каждую страницу, сверяясь с оглавлением. Где-то в середине я обнаружил листок из тетради, который прежний владелец вероятнее всего использовал как закладку. Листок я отложил. Обратился к нему уже после знакомства с фолиантом видимо с той же целью – использовать как закладку.

Но что-то меня остановило, и я стал рассматривать подробно мою находку. Это был двойной лист, вырванный из общей тетради (а может и ученической) в клеточку. Прямо из середины. Почти вся внутренняя часть была исписана мужским подчерком, который, впрочем, читался легко.

Преодолевая внутренний запрет, мать категорически запрещала читать чужие письма и даже найденные ею записки от девчонок никогда не читала, я стал читать. Да простит меня автор, но я ему очень благодарен по сей день.

Это оказалось письмо, не дописанное (подписи и даты не было) и не отправленное (не было характерных изгибов). Скорее всего, один молодой человек начал писать другому – не девушке, это точно. Но не дописал, письмо обрывалось нельзя сказать, что на самом интересном месте, но где-то ближе к концу.

Трудно определить жанр изложения. Сейчас, обремененный всякого рода знаниями, я бы назвал это письмо черновиком (наброском) отчета о «включенном наблюдении», в котором объектом изучения является студенческая аудитория, скорее всего – гуманитарного профиля. Я бы даже назвал это своеобразным социологическим эссе (неоконченным) о студенческой среде начала 70-х теперь уже прошлого века.

Перечитав письмо несколько раз, я понял, что все то, что сейчас со мною происходит, описано как раз в пункте первом, т.е. в самом начале. Забавным было то, что все было изложено лаконично и точно. Но самое главное – указаны последствия выбора того или иного варианта поведения по типу: если делать вот так то и так то, то будет вот так, а если делать вот так, то ... Такой своеобразный алгоритм типичных студенческих поступков (распространенных?) с предсказанием последствий.

Это, конечно, моя нынешняя оценка – прошло много лет.

Даты в письме не было, никаких временных привязок, только внешний вид. Бумага хранилась в книге не более 2-х лет.

Несколько последующих дней к письму больше не обращался, но думал о написанном очень часто. Листки лежали на видном месте и вольно или не вольно, когда был в комнате, обращал свой взгляд в эту сторону.

В правдивости изложенных анонимом постулатов я убедился в течение ближайшего года. Причем, как при выборе положительного варианта развития событий, так и отрицательного – в самом начале второго курса был на грани отчисления, но судьба меня хранила.

В последующие годы мне много пришлось переезжать с места на место, и этот документ я утратил. А сейчас вот думаю, может, вовсе и не письмо это было, а записка от моего ангела-хранителя? Правда, пера в той книге точно не было.

Не торопитесь Олег, может и перо объявится... а как складывались Ваши отношения с историей как предметом изучения? Что притягивало? Чего Вы не находили в предлагавшихся курсах или в анализе прошлого?

Спасибо, вопрос очень хороший. Правда ответа на этот вопрос я не нашел до сих пор. Первый курс был самым впечатляющим – история, которую я стал «изучать» (имеется ввиду слушать лекции, участвовать в семинарах) отличалась от того, к чему я привык в школе. И вот моя история.

Новелла о студенте историке

Я знаю точную дату того, когда я понял, что я теперь историк. Это 30 декабря 1972 года. Вечером, где-то после 17 (было уже темно) я вышел на проспект Майорова. Шел к себе на Пирогова. И тут мимо меня стала проезжать колонна старых автомобилей, в кузове которых сидели «ряженые» красноармейцы. Я сообразил, что сегодня юбилей – 50 лет образования СССР. И это театрализованная демонстрация праздника. Мне в голову пришла мысль – моему отцу всего 48 лет, а стране 50. На фоне многовековой истории России, о чем я уже стал получать совсем не школьное представление, это даже не капля в море.

Через 26 лет, примерно на этом же месте, но только жарким июльским днем, я стоял в толпе людей, встречавших кавалькаду автобусов из Пулково. Везли для захоронения в Петропавловке останки царской семьи. СССР уже не было и мне было всего (или уже?) 43 года. Прошла целая эпоха. А страна осталась.

К концу первого семестра у меня, в общем-то, уже сложился определенный способ действия, хотя справедливости ради скажу – все это было чисто интуитивно. Практически все лекции и семинары были очень интересны. Только некоторое количество лет спустя я понял, насколько нам (ну и мне) повезло с преподавателями. Некоторые из них уже тогда были классиками исторической науки, хотя мы это и не очень ценили.

Скуку вызывал только один предмет – это история партии. Но лекции по этому предмету читал декан, а семинары вел в прошлом первый директор Артека, что как-то скрашивало ситуацию. Именно на этих занятиях у меня впервые мелькнула одна «крамольная» мысль, которая логически оформилась значительно позже.

Как мантру преподаватели повторяли один тезис: исторический факультет – это идеологический факультет. Поначалу это мне было не очень понятно. Хотя за пределами аудитории преподы были вполне симпатичными людьми, а с бывшим первым директором Артека у меня вообще сложились весьма дружеские отношения. И я даже, как-то уже не будучи студентом, в этом самом Артеке побывал по его приглашению. Но это совсем другая новелла.

Конечно, меж собой мы этот вопрос обсуждали. Реакция сокурсников была очень забавной. Первые, а их было большинство, на мой вопрос об «идеологичности исторического факультета», делали большие глаза и задавали встречный вопрос – не дурак ли я? Вторые, этим особенно грешили старшекурсники, пускались в длинные и путаные объяснения, наконец, третьи простодушно заявляли, что понятия не имеют.

Полную ясность внес бывший первый директор Артека. На этот вопрос он ответил просто: «Вот я тебя на экзамене спрашиваю: исторический факультет – это идеологический факультет? Ты отвечаешь – конечно, идеологический! Я ставлю в зачетку «отлично» и ты идешь дальше». А если, вопрошаю, я отвечаю, что не знаю? «Ну, на «не знаю» студента есть только один ответ в зачетке – «неуд»».

И тогда я сделал открытие. Всякая учеба подразумевала как бы игру – диалог преподавателя и студента (студентки), примерно такой.

Препод.: «Сын мой (дочь моя), веруешь ли ты в классовую борьбу, диктатуру пролетариата и окончательную победу?»

Студент (ка): «Верую!»

Препод.: «Иди с миром!»

Где-то к началу 80-х «Окончательную победу» постепенно вытеснила «Руководящая роль». Поскольку историю партии и НК изучали ВСЕ без исключения студенты нашей необъятной, то, смею думать, ВСЕ, кто получил диплом о высшем образовании, УЧАСТВОВАЛИ в этом диалоге.

Я бы сказал, что для того времени этот диалог представлял собой квази логическую формулу социализации кандидата на высшее образование.

Естественно, что и я социализировался.

Новелла о первых научных штудиях

Чуть ли не каждый божий день на первом курсе нам твердили – не затягивайте время, выбирайте тему, но втором курсе надо будет заниматься научными исследованиями. Глаза, конечно, разбегались. Как Остапу Бендеру, хотелось всего и сразу, но приходилось, по-Балагановски, брать частями.

Надо было выбрать кафедру и вариант практики. Выбор мой пал на Ивана Третьего (кафедра истории СССР, тогда так было) и в качестве практики – архивная. Практика началась раньше. Архив ЦГИА – это Центральный Государственный Исторический Архив. Не хочу никого утомлять пояснениями, в чем тут фишка, как теперь говорят, тем более, что теперь система архивов вроде как изменилась.

В этом архиве хранятся документы центральных государственных учреждений с Петровских времен и до 1917 года.

После весьма основательной экскурсии по самому архиву (адрес не указываю, архив переехал) нас привели в комнату, где для каждого был рабочий стол. И объявили тему наших архивных штудий: «Жалобы крестьян на жестокое обращение помещиков». Тема еще та, но назвался груздем...Надо было ознакомиться с массивом дел и написать отчет. Что не понятно – спросить, отчет будет оцениваться. Время – почти весь учебный год. Приходить можно один раз в неделю, но по желанию – чаще.

Мне достались дела о жалобах с начала царствования Александра Первого, т.е. с 1801 года. Дел было немного, точно не помню, но меньше, чем 20 папок. Чтобы было понятно – эти уголовные (это надо подчеркнуть) дела дошли до центральных органов власти и даже до Императора. И по ним было принято решение, «обжаловать» которое можно было только у Бога!

Первое, что бросилось в глаза, у всех дел, после того как их сдали в архив, я был первым читателем. Сопроводительные листы были девственно чисты. Эти документы не читал до меня никто. Они не были использованы в качестве источника. Вот тут впервые я понял не по учебнику – что такое исторический источник (до этого я видел только фотокопии). Я его держал в руках! Но чтобы этот архивный документ стал историческим источником, я должен был запустить его в научный оборот, т.е. сделать его доступным другим людям. Если убрать из этих рассуждений мой пафос неопита, то собственно в этом и состоит суть исторического исследования.

По всем делам было принято обвинительное заключение, т.е. преступник (помещик или помещица) был признан (признана) виновным, и подвергнут тому или иному наказанию. Казнен не был никто (не буду загромождать текст тем, кто, когда и по отношению к какому сословию отменил это), но тюремное заключение, ссылка, конфискация имущества, а главное – к церковному покаянию приговорили всех.

Сейчас я уже не припомню всех деталей своего отчета, каких именно преступлений и сколько. Но часть дел были связаны с преступлением на сексуальной почве. И среди них выделялось одно, как по объему, самая толстая папка, так и тем, что пролежало это дело на столе Императора без утверждения много лет, почти, если не ошибаюсь, до 1817 года. Не в пример другим, папка была оформлена основательно, опрошено много свидетелей и все весьма подробно, в мельчайших деталях, описано, только что рисунков не было. По содержанию – садизм помещицы, ее соответствующие опыты над своими крепостными.

Сразу же бросалось в глаза, что материалы данного дела не просто так долго находились у Императора. Их читали, и читали много раз – с многократным подчеркиванием, только что не до дыр. Листы с подчеркиваниями отличались и по цвету от всех остальных. Перечитывались именно самые «забойные» места, и эти страницы (листы) подолгу были открытыми.

Все это время обвиняемая в преступлениях помещица находилась под арестом. Никого решения не принималось почти 15 лет.

Сейчас я уже не помню, каким образом я, 18-ти летний студент, интерпретировал сей факт в своем отчете. Скорее всего, это было что-то в духе «классовой борьбы» и т. п. Но после знакомства с этим документом переписку Пушкина А. С. я читал уже спокойно и без удивления.

Следует сказать, что собственно учебника, например, с таким названием: «Как провести историческое исследование» не было, да и сейчас нет. Источниковедение – очень крутая дисциплина. Перефразируя известную студенческую максиму, можно сказать так: «Сдал источниковедение – можно жениться». Не буду утомлять подробностями, но отдать должное класснику источниковедения Шахматову А. А., просто обязан. Тем более что реформа русского языка в 1918–19 гг. была проведена по его лекалам.

Однако тренировали нас на семинарах постоянно, я бы даже сказал «натаскивали» как охотничьих собак. «Законы Хаммурапи», «Русская правда», «Салическая правда» и т.п. На семинарах порой выдавались фотокопии того или иного документа из ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), который надо было перевести (писано скорописью, хоть и по-русски), прокомментировать, а в конце занятия – отдать преподу.

Несколько позже я понял, что все это было не столько натаскивание, сколько тестирование наших способностей к восприятию исторического источника. Не могу сказать насколько это правильная метода обучения, но один мой сокурсник и по сию пору работает в ЦГИА.

Помимо этих упражнений, я писал первую курсовую работу по эпохе Ивана Третьего. Хотя задачка была достаточно простая – присоединение Твери к Москве. А это один из эпизодов довольно длительного процесса «собираания земель» вокруг Москвы.

Меня и сейчас удивляет, что подавляющее большинство людей не знает практически ничего об Иване Великом – так уже при жизни называли Ивана Третьего, в том числе и за его рост. Есть представление о Петре Первом, Екатерине Второй, даже про первого Романова знают лучше. Я уже не говорю про Ивана Грозного, который был внуком Ивана Великого. Но это, конечно, благодаря Пушкину и Булгакову.

Тогда как в действительности, все перечисленные, как и все кто был на престоле сразу после и до 1917 года, были эпигонами Ивана Третьего. Ничего отрицательного в этом термине нет, эпигон это наследник и последователь. Только в 2016 году кинематографисты сподобились снять фильм про Ивана Васильевича. Но это совсем другая новелла.

Памятник Ивану Третьему так пока и не поставили

Удивительная судьба у человека. Будучи 8-ми лет отроду, стал соправителем отца, Василия Второго Темного (темный, потому что был ослеплен своими конкурентами в борьбе за княжеский стол), в 12 лет первый раз возглавил войска в боевом походе, и тогда же женился (по тогдашним понятиям – стал совершеннолетним), в 22 года – Великий князь. Это было в 1462 году. А в 27 лет уже овдовел.

В момент восшествия на престол, Великое княжество Московское – это территория чуть больше, чем нынешняя Московская область (к примеру, Можайск тогда принадлежал Литовской Руси, это 2 часа на электричке). Через 43 года своему сыну Василию Третьему оставил в наследство страну, которая по своим географическим очертаниям уже максимально близка к своим нынешним границам. Это, как сейчас бы сказали, в Европейской части, а что было с другой стороны, то края тогда, пожалуй, никто и не знал. И титул стал соответствующим – уже не просто Великий Князь, а Государь всея Руси.

Все последующие правители, чуть позднее цари и императоры, дополняли, углубляли, расширяли и т.п. Слава Богу, почти ничего не разбазарили. Хотя и могли, а некоторые даже пытались.

Вектор развития, который Иван Третий Великий задал нашей стране, кажется, сохраняется до сих пор. Но это уже совсем другая новелла.

Как бы то ни было – присоединение Твери к Москве, это эпизод важный, с одной стороны, с другой, в некотором смысле – курьезный.

Все дело в том, что ранний брак княжича Ивана был «политическим» – с целью нейтрализации как раз Великого княжества Тверского. Невестой была Мария Тверичанка, дочь Великого Тверского князя. А это княжество в то время – главный конкурент и соперник в борьбе за лидерство. Брак это соперничество практически устранял, причем с односторонними преимуществами Москвы (по условиям, как сейчас бы сказали брачного контракта). На время, как оказалось не очень большое, Москвичи могли не опасаться за свой тыл. Можно было заняться другим, и в частности Великим Новгородом, который к тому времени уже существенно пополнил «список измен». Вот почему покорение и присоединение шло таким путем: вначале – Великий Новгород, а только потом Тверь. Хотя логичнее было бы наоборот.

Уяснив фактическую сторону вопроса, и будучи уже «отравленным» архивными посиделками, я слегка приуныл. Никого открытия явно не светило, а так хотелось.

И тогда я придумал (именно так) концепцию, сутью которой, если без подробностей, было обоснование именно такой последовательности развития событий. Присоединить Великий Новгород было важнее, чем заниматься пока еще нейтральной Тверью. Хотя нейтралитет был относительным, да и жена Ивана Третьего скончалась скоропостижно и при загадочных обстоятельствах, не раскрытых до сих пор. Большинству фактов концепция не противоречила, но и не была подкреплена

никакими первоисточниками – их я просто не смог бы найти без доступа в ЦГАДА. Да и сомневаюсь, что какие-либо первоисточники могли бы подтвердить эту концепцию.

Курсовую я сдал в срок, но не скрою, результатов оценки ждал с некоторым опасением. Я опасался обвинения в социологизаторстве (социологизации?) истории, а это один из «смертных грехов» в профессии. Но мои страхи оказались напрасными.

В тот момент я, конечно, не подозревал, что встал на путь измены классическому историческому знанию. Но раскаяться и встать на путь исправления, а также разоружиться перед историей, мне так и не удалось.

Новелла о дополнительном образовании

Сейчас уже не помню, что именно меня толкнуло пойти на лекции по социальной психологии и поучаствовать в таком мероприятии как получение дополнительного образования без отрыва от основного. Скорее, здесь сказалось мое вечное стремление заниматься сразу несколькими делами одновременно. Я и по сей день читаю сразу две-три книги одновременно, смотрю и телевизор (новости в основном), и что-либо на компьютере и т. д. Эта порочная практика так и осталась мною непреодоленной.

Так или иначе, поддавшись на уговоры приятеля «искусителя», я отправился на первую лекцию. Скажу честно, о Парыгине Б. Д. до момента его появления в аудитории, я ничего не знал и даже не слышал. Приятель загадочно помалкивал, мол, смотри сам.

Первое, что бросилось в глаза – это некоторая схожесть Парыгина с моим Учителем Астрономии. Такого же примерно роста и телосложения, тщательно подобранная «профессорская» одежда, полное спокойствие и уверенность. Но температуры конечно кардинально отличались. Аудитория была большая и забита «под завязку». Скажу сразу – к концу цикла обучения слушателей существенно поубавилось, а к финишу через два года дошли считанные единицы.

Вообще, контраст с тем, как читаются лекции по истории, и к чему я уже привык, оказался весьма и весьма большим. Что с ходу подкупало. И вообще, оказалось, что социальная психология, наука очень веселая. Много незнакомых слов, о значении которых можно было только догадываться. Тогда я еще не знал о привычке социологов и социальных психологов «ошарашивать» собеседника или слушателя каким-нибудь замысловатым термином, на поверку оказывающимся расхожей банальностью. От одного только слова «экспектация» можно было свихнуться, не вставая из-за парты. Я и сейчас, на всякий случай, посмотрел в словарь – как оно пишется, я уже не говорю про определение, понять которое я не смог до сих пор. Но этот лекторский прием мне понравился, и я его запомнил.

Лектор Борис Дмитриевич был очень хороший, я бы даже сказал – блестящий. Смех стоголосой аудитории, абсолютно немислимый на лекциях по истории, был частым «гостем» на его публичных выступлениях. Не знаю, обучался ли Парыгин специально ораторскому искусству, или практиковал уроки Демосфена, но получалось это у него отменно. Многие его приемы я впоследствии применял, когда сталкивался с большими аудиториями.

Для контраста – когда я впервые оказался на лекции И. С. Кона, а посещение отдельных лекций теперь уже классиков, а тогда известных в городе профессоров – Ядова, Гумилева, Кузьмина (всех уже и не упомяну) было обязательным и входило в курс обучения, то ожидал примерно такого же блеска и огня. Но к стыду своему, ничего не помню, хотя точно – не спал.

Интерес к И. С. Кону был еще вызван и тем, что как-то на лекции Парыгин сказал о том, что Игорь Семенович заканчивал наш факультет истории. Но мои очень корректные попытки что-либо узнать об этом у преподавателей, которые могли его помнить, натолкнулись на стену молчания. Прозвучала только одна ехидная реплика, но от представителя более молодого поколения преподавателей. Помню, у меня тогда пробежал холодок в районе шейного отдела позвоночника, слово «диссидент» не было произнесено, но явно витало в воздухе. Я не вкладываю в этот термин политического значения – речь идет о «диссидентстве» по отношению к исторической науке.

Как бы то ни было, я принял решение вторую курсовую работу написать по социальной психологии. Пришлось договариваться с кафедрой Всеобщей истории, что мне это зачтут по их ведомостям. Мне сказали – хорошо, только при условии, что дипломную работу я буду писать по этой кафедре.

Тему Борис Дмитриевич, а именно он оказался моим руководителем, подобрал, как сейчас бы сказали, очень крутую. Точной формулировки не помню, но речь шла о самосознании человека. Как теперь я понимаю, это скорее философия, чем социальная психология. И у меня началось обострение «детской болезни». Книги по философии я и так читал постоянно, особенно по немецкой классической. Но тут я пустился во все тяжкие. Даже посетил пару лекций на философском факультете, отчего правда толку никакого не было, может не на те лекции попал.

Не могу сказать, насколько я успешно справился с этой темой, но отличную оценку получил.

На последнем курсе пришла пора рассчитаться по обязательству и подготовить диплом по кафедре Всеобщей истории. И вот тут состоялось мое окончательное «грехопадение». Я захотел написать диплом по социологии рабочего движения в ФРГ. Научный руководитель Егоров Юрий Васильевич долго смеялся, потом сказал: «Ну что ж, давай попробуем, постараюсь убедить кафедру в возможности такой темы». Не знаю, чем и как он аргументировал кафедру, но тему мне утвердили.

На освоение темы у меня ушел весь учебный год, и даже каникулы с самого раннего утра и до вечера я провел в Фундаментальной библиотеке. От лекций и семинаров по программе обучения, равно как и от зачетов и экзаменов, меня естественно никто не освобождал. Но – «охота пуще неволи»! Дипломную работу подготовил и защитил на отлично.

Вот такая получилась эволюция. Я имею в виду морское значение термина – корабль совершает эволюции, перед тем как лечь на курс.

Ваш интерес одновременно к истории и социальной психологии мог Вас «подвинуть» к направленному изучению работ ныне классиков, а тогда – пассионариев, упомянутых вами Л. Н. Гумилева и И. С. Кона, а также – Б. Ф. Поршнева. Был ли у Вас период увлечения их работами или Ваши интересы не лежали в области синтеза исторического и социально-психологического?

Первоначально, вероятно в силу своей «испорченности», воспринял Ваш вопрос, как вопрос о «трех источниках и трех составных частях...», и хотел просто написать: нет, нет и нет. Возможно, по причине «абберации близости» – по Гумилеву. Сам он настолько «подавил» меня своей эрудицией, что довел до головной боли, и больше двух лекций я его больше не слушал. Только много позже, когда труды Гумилева стали продаваться в каждом газетном киоске, а все знакомые журналисты держали его фолианты под мышкой, я спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой стал читать эти произведения. Нашел много полезного и созвучного.

Но после некоторого размышления, я припомнил байку моего приятеля-историка: «В России есть Царь-пушка, есть Царь-колокол. Значит, должна быть и Царь-книга. Там должно быть написано все-все-все!» Можно еще, конечно, и «Царь-рыбу» вспомнить. Поэтому:

Новелла о Царь-книге

По большому счету, каждый человек ищет (а иногда пишет) свою Царь-книгу. Тут, кому как повезет. Или, кто как постарается. Свою Царь-книгу я искал усердно и, смею думать, что нашел, или думаю, что нашел, хотя раньше точно знал.

Тут я делаю отступление: пока был студентом, книги читал для пополнения и накопления. Но постепенно эта функция стала замещаться другой – книги стали рассматриваться мною, в первую очередь, как провокация. Использую это слово исключительно в смысле «стимул». Почему-то, лишь отдельные книги обладают таким свойством. И таких книг, как оказалось, совсем немного, встречаются они редко, но именно они стимулируют собственные идеи. Но на их поиск уходит много времени и сил. Да и никогда нельзя сказать, что уже все нашел, или главная книга все еще впереди. Иногда прочтешь и думаешь: «Ну, все – остановись мгновенье...», а потом оказывается, что это только фрагмент...

И первый автор, которого я хочу назвать это Бэрроуз Данэм. Это американский философ, считается, что левого толка. В 50 – 60 г.г. прошлого века его книги активно издавались в нашей стране. Многие я читал, но наибольшее впечатление на меня произвела книга «Герои и еретики». Если кратко, то его духоподъемный труд трактует историю общества как процесс борьбы между ортодоксальностью и ересью. Штамп, конечно, но вполне себе точный. А тогда, когда я это читал, звучало это вполне себе «еретично». Это я к вопросу о «классовой борьбе».

Я уже отмечал, что с удовольствием читал книги по философии и даже стал собирать серию «Философское наследие». С особым вниманием относился к немецким философам. Для примера скажу, что один мой приятель, напарник по философским штудиям, до сих пор при каждом удобном случае отправляется «посоветоваться с Гегелем». Но оказалось, что мой главный философ жил совсем в другой стране.

В 1978 году, в первый год работы в ИСЭП, довелось мне поучаствовать в длительных дискуссиях сверх философского свойства. Наше интеллектуальное «обнюхивание» закончилось тем, что я отправился читать только что приобретенную очередную книгу из серии «ФН». И это были сочинения Джорджа Беркли. Его впервые в том году издали практически в полном объеме.

Что знал «нормальный» человек с высшим образованием об этом философе? Правильно, представитель субъективного идеализма, на пару с Юмом, злейший враг «единственно верного».

Но я был покорен его безупречной логикой, совершенным стилем письма и убедительностью. Не хочу вдаваться в подробности восхваления или критики Беркли. Отмечу лишь, что чтение его размышлений может доставить истинное удовольствие тем, кто занимается, как он самонадеянно думает, изучением современного общества. Ну, или, как минимум, заставит задуматься над тем, чем он занимается на самом деле.

Один французский писатель, помнится, звали его Паскаль Лане, хотя могу и ошибаться, как-то написал (это не цитата, а пересказ по памяти): философия это сосед, который живет над вами и не дает спать по ночам. Так вот Беркли – как раз и есть такой сосед.

Ну, и наконец, хочу поведать о Марке Блоке. Это историк из Франции, в 1944 году был расстрелян немцами как участник «Сопротивления». За два года до этого печального и трагического события он написал книгу с интригующим названием: «Апология истории или ремесло историка». Книга вышла в русском переводе в 1986 году, но я уже был о ней наслышан.

Вопреки своему правилу, приведу одну цитату из Марка Блока:

«Пусть homo faber или politicus всегда будут безразличны к истории, в ее защиту достаточно сказать, что она признается необходимой для полного развития homo sapiens.»

На долгое время эта книга стала для меня в прямом смысле настольной. Да и сейчас, когда мне хочется убедиться в правоте той или иной идеи, я перечитываю его суждения.

Как ни удивительно, но изначально, соавторов в моей Царь-книге оказалось трое. Вот как тут не вспомнить Гумилева и его «стереотип поведения»!

Конечно, список соавторов моей Царь-книги открыт до сих пор, вот только пополняется он редко.

Я думаю, что составление (или написание, или поиск – кому как нравится) своей Царь – книги, это естественный процесс. И нужно это, прежде всего, для того, что бы иметь собственную доктрину «военной тайны». А без собственной «военной тайны» – какая жизнь, только ёрзанье (по Высоцкому).

Не хочется опускаться от поэзии философии до прозы жизни, но жанр нашей беседы того требует... Конец 1970-х, Вы завершаете образование в педагогическом институте сразу по двум специальностям, наверное, у Вас уже был определенный опыт преподавания истории. Вы получили распределение в школу или была возможность самому определяться со своей работой?

Новелла о прозе жизни и не только

Мой школьный педагогический опыт совсем маленький. Две практики в средней школе и в ПТУ и два месяца сразу после окончания. А потом, как и у всех тех ребят, кто поступил сразу после школы, служба в рядах. В моем случае это Северный флот, матрос, в конце службы старший матрос. Служили мы всего год, после нас срок службы увеличился до полутора лет.

Но свой первый, относительно самостоятельный урок в школе, в присутствии «методиста» с кафедры методики преподавая истории, я помню. Это было восстание декабристов. И если не ошибаюсь, речь шла о сравнении программ Северного и Южного обществ.

Надо сказать, что одним из «пунктиков» кафедры методики преподавания истории было стремление научить нас «правильно» задавать ученикам вопросы. Буквально каждый вопрос, который я задавал классу на уроках, был тщательно, с магнитофонной точностью записан методистом (помнится, это была САМА зав кафедрой) и в мельчайших подробностях разобран. Делалось это в присутствии других, таких же горемык, которые вели уроки в параллельных классах. Первоначально, это здорово раздражало и злило, но несколько позже я оценил правильность и справедливость этого приема нашего обучения. Всегда, да и сейчас, с благодарностью вспоминаю эти наглядные и очень поучительные, хотя иногда и очень нелицеприятные, пассажи наших методистов. Как выяснилось позже, ничего не было «лишним» и бессмысленным, навыки оказались прочно «вбитыми» в мою голову.

И дело, скорее, не в том, что «каков вопрос – таков и ответ», а в том, что «вопрос должен быть коротким и ТОЧНЫМ, как выстрел». Это я немножко перефразировал цитату из популярного фильма. Но точные вопросы, порой, задавать сложно: «Павел Андреевич, вы шпион»? «Видишь ли, Юра ...». Этот пассаж из фильма «Адъютант его превосходительства» как нельзя лучше показывает сложности, которые возникают, когда задаешь краткий и точный вопрос. Этот пример я часто использую, когда рассказываю другим о том, как составить анкету для социологического опроса.

На этом мои опыты преподавания не закончились. На флоте меня в прямом смысле слова «заставили» не только проводить стандартные политинформации, но и вести политзанятия, т.е. разъяснять «политику партии». Потом были лекции в обществе «Знание», спецкурсы, семинары и лекции в Большом университете и в других ВУЗах. Но преподавание, как это ни странно, учитывая «учительское» происхождение, не стало для меня очень важным делом. Все-таки это, скорее, вспомогательное занятие, хотя, иногда, и доставляет удовольствие в самом процессе.

В последние годы в основном преподавание связано с электоральной социологией. Летом и осенью 2016 это стало особенно актуальным и востребованным, в том числе и из-за пристального внимания к выборам в США. Что-то не припомню такого небывалого интереса нашей публики к этой теме.

В основном мои слушатели люди с высшим образованием, а некоторые и с двумя – проблемно-ориентированные, т.е. с активной жизненной позицией. Я обычно говорю так: «У вас высокий уровень АЖП, что говорит о том, что вы находитесь в состоянии поиска... приключений» – это для разрядки и понижения градуса ожиданий.

Так вот, одну из жарких дискуссий вызывает тема ценности избирательной системы. По одним этим суждениям можно сделать отдельное исследование. Но для слушателей оказывается полным тупиком мое утверждение, что главная ценность избирательной системы состоит в ее неизменности! Сказывается, конечно, опыт жизни в РФ, где закон о выборах меняется, чуть ли не в каждом цикле. Практически, еще ни разу наши избиратели не голосовали по одному и тому же закону. И здесь, конечно, последние президентские выборы в США предоставляют просто незаменимый материал, особенно когда читаешь ежедневный мониторинг Б.З. Докторова.

Где-то в начале 2000-х годов, чисто из утилитарных соображений, для упрощения ориентации в кандидатах на выборные должности, мне пришла мысль типологизировать электоральные имиджи. Оговорюсь сразу, особых историографических изысканий я не проводил, базировался, в первую очередь, на собственном опыте работы с кандидатами, опыте коллег и конкурентов. И вот, что у меня получилось.

Пишу об этом подробно, поскольку обычно на занятиях эта часть связана с практическими примерами – своеобразной «примеркой» той или иной «электоральной одежды» каждым слушателем.

У меня получилась очень простая таблица сопряженности, в которой по строке представлены номинации эмоционального порядка: «наш сосед», «клоун», «отец нации», «герой». По колонке – рациональная составляющая: «реформатор», «анти-реформатор», «моралист».

И колонку, и строку можно, естественно, обозвать иначе. Например, «внешний облик» и «вербальное содержание». Или, короче, «роль» и «текст роли». А можно и поменять местами: колонку сделать строкой, а строку – колонкой. Это для удобства. Но суть останется неизменной – всего 12 клеточек, т.е. электоральных имиджей. Конечно, можно сказать, что есть промежуточные или пограничные состояния. Наверное, но это уже дело вкуса.

Первое применение на практике данного приема классификации дало положительный результат. Помнится, это была учеба сотрудников аппарата нового председателя Законодательного собрания СПб Тарасова С. Б. Народ опытный и тертый, долго ничего объяснять не пришлось. В собрании тогда было всего 50 депутатов, выбирались по мажоритарным округам. Надо расписать всех по 12 клеточкам. Коллективное обсуждение и короткая дискуссия возможна. Время – как получится, но без канители.

Интересно, что работа была сделана примерно за час. С тех пор весьма часто использую этот прием, в том числе и тогда, когда знакомлюсь с материалами избирательных кампаний в других странах.

Мне, к примеру, совсем не странным кажется взаимная симпатия Трампа и Путина. Оба, как я говорю, попадают в одну клеточку, оба «герои антиреформаторы». Путин, правда, начал эволюционировать, но это уже другая новелла.

Олег, давайте к пассажиру о текущем моменте вернемся ниже, а сейчас продолжим описание траектории Вашей жизни. Прошли полтора года службы на флоте, Вам предлагали задержаться и получить военно-морское образование? А как события развернулись на суше?

Уточню – служил всего год. А уже весенний призыв служили полтора в армии и два на флоте, это для тех, кто был с высшим образованием. Так что задержись я на гражданке на полгода, и пришлось бы мне два года быть матросом, скорее всего, на подводной лодке.

Ни задержаться, ни получить военно-морское образование не предлагали. Уволили меня практически день в день: призвали 3 ноября 1976, а 10 ноября 1977 я уже был в Питере. Как водится, помаялся немного «дурью», помыкался туда-сюда, а с января уже оказался в ИСЭП. Собственно, с этого и началась наша беседа. Отсюда и новелла.

Новелла о том, как полезно в молодости попасть с корабля на бал

Как я теперь понимаю – бал был в самом разгаре. Правда, тогда это меня мало волновало. Ведь я никого не знал и не был ни с кем знаком. Парыгин Б. Д. принял меня весьма любезно, но я и тогда, и сейчас так и не понял, вспомнил ли он меня, узнал ли, или только сделал вид, ориентируясь исключительно на советскую традицию – не отказывать хорошим знакомым.

Знал я и Ядова В. А., бывал у него на лекциях, но личного знакомства на тот момент не было. Правда, весьма скоро выяснилось, что мы живем друг от друга поблизости. Как-то столкнулись нос к носу. Оба были с детскими колясками. Неожиданно для меня Ядов дружески меня поприветствовал и после взаимных ответов на вопросы «кто есть кто» в детских колясках, попросил покараулить его коляску, пока он сходит в магазин. Что я и сделал. Вернувшись с покупками, Владимир Александрович предложил теперь мне сходить в магазин. Но такого задания я не имел. Поговорив, минут пять о том, о сём, мы расстались, но с тех пор всегда приветствовали друг друга по-дружески.

Никаких других знакомств не было, как и не было ни малейшего представления о том, что делать? Ну, это вопрос вечный.

Парыгин сказал, что работать я буду в группе социалистического соревнования (сектор, если я точно помню, назывался «Трудовых коллективов и социалистического соревнования»). У меня сразу мелькнула мысль: « В трюм отправляет! Ну, в трюм, так в трюм, надо же с чего-то начинать». Но эволюция, однако: от Ивана Третьего, через Александра Первого до рабочего движения в Западной Германии и теперь – социалистическое соревнование.

Но в «трюме» оказалось вполне себе симпатично. Главный по «трюму», Муравьев Геннадий Александрович, оказался солидным дядькой, как потом выяснилось, старше на год моего отца, воевал в Заполярье на торпедоносце. Героическая биография. Кандидат экономических наук. Как его занесло в социологический отдел, я не знаю до сих пор.

Но относился он к этому факту сдержанно, я бы даже сказал – иронично. В ходе нашего общения выяснилось, что он большой любитель немецкой классической философии, очень хорошо ориентируется в истории, и не только отечественной. И я уже не говорю о чисто военно-морской привычке «потравить» по каждому удобному случаю. Так что собеседником он оказался превосходным. А после того, как к нам несколько позже присоединился мой однокурсник Володя Костюшев, наши философские посиделки превратились в постоянный неформальный семинар. Именно Геннадий Александрович обратил мое внимание на Беркли, труды которого только что были изданы, и которые я начал прилежно штудировать примерно в это время.

Как бы то ни было, после продолжительной первой беседы, Муравьев отправил меня «попасться» в коридорах института, как он выразился – «провести разведку боем».

Конечно, никаких «боевых» действий я не устраивал, больше слушал, присматривался, знакомился, просто привыкал к новым лицам. Набирался впечатлений. Никто не «кусался», но иногда мне казалось, что я ловил на себе взгляд, как бы через оптический прицел. Впрочем, даже с моим небольшим опытом «боевого» дежурства на флоте, когда у людей в руках действительно есть настоящее оружие, это было уже совсем не страшно. Хотя в том, что «злые языки страшнее пистолета», я впервые убедился именно в институте, и убедился на собственной шкуре. Но это уже совсем другая новелла, которую, надеюсь, мне никогда не придется написать.

Новелла о том, как проходила моя социологическая социализация

Вначале, конечно, здорово тушевался, но старался это не показывать. Как говорят рыбаки, при вываживании крупной рыбы нельзя давать слабину. На флоте есть более точное выражение, но боюсь, оно не может быть печатным.

О формуле социализации, которую я уже упоминал, почти никто не вспоминал, хотя она и маячила где-то на заднем плане, как тень отца Гамлета. Было понятно, что существует какое-то другое измерение этой формулы, профессиональное, так сказать.

О том, как проводить исследование в социальной психологии и социологии у меня было чисто теоретическое представление. Практических навыков, можно сказать, не было. А именно этим, как я думал, и занимаются в таких институтах. Я наивно полагал, что все сотрудники знают всё и умеют всё, как в хоре, «поют по одним нотам и словам». Однако, при ближайшем рассмотрении оказалось, что «все поют на свой лад». Кто частушки речитативом шпарит, кто арию пытается затянуть, а некоторые только что-то напевают себе под нос, то ли народное, то ли классическое. Я все ждал, когда кто-нибудь выбежит в коридор и рявкнет: «Маэстро, урежьте марш!» Но Бегемот, наверное, где-то загулял, да и оркестр не появлялся. Ну, как всегда, все надо делать самому.

Сейчас точно не припомню, сам ли я услышал это, или в чьем-то пересказе, пассаж Ядова В. А. примерно такого содержания: «Пока есть Сагоненко с ее Хи-квадрат критерием, можно быть спокойным». Помнится, я слегка испугался и подумал, что все, кранты, накроет меня этот Хи-квадрат с головой, как мат пьяного годка, и пойду я на дно истерзанным карасем. Что бы можно было понять мои чувства: годок – матрос последнего года службы, карась – матрос первого года службы. Самое страшное на флоте – это оборзевший карась и пьяный годок, очень жизненное, прямо скажем, эмпирическое наблюдение.

К математике я всегда относился с некоторой настороженностью и, можно сказать, предубеждением. Но чтобы не выглядеть «оборзевшим карасем», пришлось мне влезть и в эту шкуру до такой степени, что через некоторое время на возможный грозный вопрос Саганенко Г. И. о том, верую ли я в Хи-квадрат, мог спокойно отвечать – верую!

Как оказалось, это и была первая часть символа веры социологов. Конечно, не только Хи-квадрат, но этот термин, как я думаю, олицетворял тогда веру социологов в безграничные возможности математики. Или мне тогда только так показалось?

До второй части пришлось добираться значительно дольше. Поскольку сектор Парыгина Б. Д. занимался трудовыми коллективами, то речь всегда шла о монографическом, т. е. сплошном опросе коллектива. Хотя опросить всех без исключения членов бригады или иного трудового коллектива, было, порой, весьма затруднительно. Постоянно возникали всякие забавные, в том числе, коллизии. Но это уже совсем другая история.

Только постепенно я добрался до выборочных опросов. Понятно, что проштудировал много всяких книг на эту тему, консультировался с коллегами и т. п. Воспользовался случаем и попал на целых две недели в статистическое управление Ленинграда. Признаться, пришел я туда с «неправильным ожиданием». Думал, что это как архив и я буду иметь дело с первоисточниками, а оказалось, что доступны только

вторичные данные, уже кем-то обработанные и сгруппированные. Естественно, без учета того, что мне надо. Я был здорово разочарован. Ничего не хочу сказать плохого о статистиках, у них была свои проблемы, а у меня – свои.

После некоторого размышления, я пришел к выводу, что самым «правильным» источником информации для выборочных опросов населения, т.е. собственно «первоисточником», могут быть списки избирателей. Правда, они исключали всех тех, кому еще не исполнилось 18 лет к моменту составления списков.

Внимательно изучив списки на нескольких участках в одном из районов Ленинграда, я был поражен обилием именно социологической информации, которая там фиксировалась. Особенно, если список «побывал» в работе, т.е. был использован в день выборов. Поистине – «золотое дно» для всякого рода исследований, естественно, в том числе и как основа для «вычисления» генеральной совокупности. Собственно, дело оставалось за малым: разработать метод анализа списков и «провернуть» всю эту работу.

Что и было сделано, как и делается мною до сих пор, особенно, когда доводится работать в другом городе, регионе, стране. Отмечу, что теперь, в наши дни, эту работу делать значительно легче, чем тогда. Компьютеризация...

Вот и второй символ веры социологов – репрезентативная выборка. И тогда, и сейчас на вопрос о том, верую ли я в репрезентативную выборку, могу с легким сердцем сказать – верую!

Ну, и наконец, третий символ веры. Первоначально, когда я услышал это в первый раз, то оказался в некотором ступоре. Речь идет о дискуссиях относительно самостоятельности социологии как науки. На эти обсуждения я и попал, как с корабля на бал. Не мне судить – был ли это самый пик споров или они шли к концу, хотя мне думается, что и сейчас однозначного ответа никто дать не решится.

Вот тогда я и услышал впервые о «теории среднего уровня». И дело не в том, что сам по себе термин звучит весьма двусмысленно, хотя шуток на этот счет было немало, в т.ч. и с моей стороны. А в том, как это я тогда воспринял и, надо сказать, «воспарил духом». Лично для меня это было ни чем иным, как «социологизацией истории», чем я и «грешил», еще будучи студентом. Так что этот символ веры был принят мною, практически, без критического осмысления, хотя сейчас моя точка зрения существенно трансформировалась. Понятно, что все эти три ступени моей социализации в социологию произошли не в один день и даже не в один год.

Прекрасно помню Геннадия Александровича, читал его книгу о социалистическом соревновании. В моем представлении сектор Б. Д. Парыгина занимался изучением микроклимата в трудовых коллективах и разработкой «климатометра». Не знаю, чем закончилось это исследование, но, пожалуй, для меня неожиданным оказалось то, что Вы занимались конструированием (городской?) выборки по спискам избирателей. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее, это интересно для понимания того, что было...

Да, книга замечательная, только она не о социалистическом соревновании, а о производственном. Единственная книга о соревновании, которую я «смог» прочитать от первой до последней строчки. Она и сейчас не стоит на книжной полке, а лежит под рукой. Из-за этой книги я досконально проработал «Капитал» Маркса

и даже сейчас помню, как называется первый том. Кстати, это хороший тест для любого экономиста. Редко, кто из них, даже доктора наук, могут правильно на этот вопрос ответить. Как у Гоголя – «редкая птица долетит...». Впрочем, вот и новелла...

Новелла: от «климатометра» до «соломенных опросов»

В то время, когда я начал работать в секторе Парыгина, всюду шли семинары о СПК, т. е. социально-психологическом климате в коллективе. Тон, естественно, задавал Борис Дмитриевич. На первом же семинаре я, конечно, «встрял», предполагая, что и в Академии наук, как и на флоте, существует очень разумная традиция, когда первым высказывается самый младший, кем я и был на тот момент. Вполне «культурно» мне было указано, что я должен помалкивать, пока говорят другие.

Так, с ходу, я оказался на скамейке запасных, чем и довольствовался довольно продолжительное время. Надо было искать свое место, и неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, но тут как раз меня по лбу «шарахнул» Хи-квадрат. Не яблоко, конечно, но тем не менее. Кончилось это тем, что я оказался главным по связи с вычислительным центром института. В секторе никто общаться с машиной (БЭСМ-6, если правильно помню) не умел, и я быстренько прибрал эту нишу под себя. Для «трюмного» обитателя это было находкой.

Надо сказать, что ребята на ВЦ оказались очень отзывчивыми, не в пример некоторым коллегам. Хватал я все на лету, так что очень скоро я стал прилично в этом разбираться. Программное обеспечение для нужд социологов и социальных психологов было просто отличным и очень простым. Насколько совершенным это было, я по достоинству оценил в тот момент, когда совершился переход на ПК. Я бы даже сказал, что программы БЭСМ-6 были лучше приспособлены для гуманитария, чем нынешний SPSS, а тогда вскоре появилась одна из первых версий этой программы. Но впрочем, и трава была раньше зеленей, я уже про девушек и не говорю.

Так что «сгонять» на ВЦ было не только необременительным, но и доставляло изрядное удовольствие. Однако, как известно, всякий спец стремится к пределу своей компетенции. Такой предел для меня наступил в тот момент, когда встал вопрос о моделировании СПК, сиречь, «климатомере». Ребята из ВЦ откровенно надо мной посмеивались, спрашивая, будет ли он (климатомер) зачехленным или без, ну и все в том же духе. Было понятно, что задачка эта для них может и посильная, но требует определенного стимулирования. Что я и «доложил» Парыгину.

Тогда на помощь был призван сын Валентины Ефимовны Хазиной, Вадим. Уже не помню, он то ли заканчивал в тот момент факультет прикладной математики, то ли уже учился в аспирантуре. Я оказался в роли «подносчика снарядов» у Вадима, хотя скажу честно, понимал очень мало из того, что он делал. В итоге получилась некоторая надстройка над стандартными процедурами анализа социальных данных на БЭСМ-6. Она позволяла классифицировать каждый монографически опрошенный коллектив на некоторой шкале – от самого «плохого» климата до самого «хорошего».

В свою нишу в секторе я добавил и еще одну составляющую. Это работа в качестве интервьюера, а потом и в качестве руководителя «поля». Особенно много я потрудился при опросах рабочих коллективов.

Насколько я помню этот проект, изучение климата коллектива, вылился в две монографии, одна из которых была написана Парыгиным Б. Д., вторая в соавторстве практически всех сотрудников сектора. Не могу сказать, что это была «моя» тема.

Возможно, приди я раньше в сектор и начни участвовать в разработке концепции СПК с азов, то мое отношение было бы иное. А так, я, скорее, был задействован в теме по касательной. Но участвуя в этом исследовании, я «обтесался» и покинул разряд скамейки запасных.

Гораздо более уверенно я чувствовал себя совсем в другой сфере. Как это часто бывает в жизни, произошло все случайно и ничто не предвещало... Райкому комсомола приспичило выяснить структуру свободного времени районной молодежи. И он обратился с «просьбой» осуществить такое исследование в ИСЭП. Так я оказался включенным в так называемые «заказные исследования». В группе нас было двое, я и Татьяна Загрузина, которая пришла в сектор года на два раньше меня.

Помнится, сделали мы все по «правилам»: программа, концепция и т. п. Определенную трудность вызвала анкета, но тут нам любезно оказал методическую помощь Олег Божков, которому я, и по сей, день премного благодарен. Получилось вполне достойно. А главное, никого вмешательства и контроля. Парыгин только говорил, чтобы была соблюдена идеологическая безупречность и «выправка» в отчете. Что было совершенно излишним, поскольку ментальность у нас тогда была соответствующая. Говорю это в смысле «мент в голове», который как раз и обеспечивал и безупречность, и выправку.

После этой «пробы пера» ниша исследований по заказу, как тогда говорили, «директивных органов», постепенно закрепилась за моей персоной, и я мог оттачивать свою методическую амуницию до самозабвения.

Уже тогда мне стало понятно, что мои «изыскания» в этой области являют собой лишь фрагмент более широкого образования – населения мегаполиса. Но добраться до этой генеральной совокупности довелось лишь тогда, когда «директивные органы» пришли к выводу о необходимости изучения общественного мнения горожан.

В рамках ИСЭП было создано подразделение по изучению общественного мнения под руководством Олега Ивановича Иванова, куда я и перешел работать вместе со всей своей группой. Было это в начале 1988 года. Сейчас уже не помню, кто был инициатором, но начал Центр с массовых газетных опросов. Теперь, после исторических изысканий Б. З. Докторова, можно сказать, что это были типичные «соломенные опросы». Особенно тогда, когда анкету одновременно публиковали сразу три самые тиражные газеты Ленинграда. Совокупный тираж составлял около миллиона! Такие публичные «акции» вызвали небывалый ажиотаж, заполненных анкет приходило очень много. Мы даже шутили: «Получено столько-то мешков общественного мнения!»

Однако не могу не вспомнить и казусы газетных опросов. Это интересно. Много присылалось заполненных ксерокопий анкет, т.е. газет хватало не всем. Несколько анкет были заполнены супружескими парами, мужчина заполнял одним цветом, женщина другим. В одном письме к анкете был приложен протокол (!) собрания студенческой группы, в котором говорилось, что на все вопросы группа ответила коллективно и демократическим большинством голосов. Один респондент помимо анкеты вложил брошюру с выступлением Лаврентия Берия на каком-то послевоенном пленуме. Прочитав текст этого выступления, я так и не понял намека респондента. И это только то, что запомнилось мне...

Привожу выдержки из моего интервью в Ленинградской правде, которое состоялось через год после начала работы Центра. Вероятно, текст я сам написал, а редакция его оформила как интервью.

«С 1 февраля 1988 года в Ленинграде действует научный Центр изучения общественного мнения. Это одно из научных подразделений Института социально-Экономических проблем АН СССР... За это время провели более 20 опросов общественного мнения. Самые крупномасштабные из них: «Школьная реформа», «Идеология перестройки», « Ваше отношение к перестройке. Можно вспомнить опросы читательской аудитории «Вечернего Ленинграда», «Комсомольской правды»... Мы, пожалуй, одними из первых среди социологов стали регулярно использовать прессу для социологических опросов. Такие опросы проводились нашим Центром не только в Ленинграде, но и в Латвии, Челябинске, Горьком, Одессе, Москве. В сфере нашего исследовательского интереса за это время находились такие проблемы, как управление наукой в новых условиях хозяйствования, медицинский эксперимент, проблемы ПТУ, национальных отношений и даже проблемы молодежной моды ... Результаты практически всех проведенных нами опросов в том или ином объеме публиковались в периодической печати. Окружные избирательные комиссии заказали нам провести ряд опросов жителей города и области, трудовых коллективов, выдвинутых кандидатов в народные депутаты. Я думаю, что опыт проведения предвыборной кампании очень ценен и нуждается в обобщении... Хочу обратиться к ленинградцам и сообщить им, что сегодня начинаем телефонные опросы населения. Большая просьба: во-первых, не удивляться тому, что позвонили именно вам; все телефонные номера будут отобраны случайным образом, и фамилий мы знать не будем. Во-вторых, просим ответить на наши вопросы – их будет совсем немного и они простые, много времени мы у вас не отнимем».

Обращаю внимание на последний абзац. Вдобавок к этой статье, я еще и выступал по ТВ с оповещением населения о телефонных опросах. Тогда это было в новинку, и после каждого опроса у дежурных по ГУВД и Обкому раздавались «тревожные» звонки от бдительных граждан.

Собственно под этот проект (репрезентативные телефонные опросы населения Ленинграда) я и занимался анализом городской статистики в статистическом управлении. А после того, как убедился в «ограниченности» официальной статистики, мне и пришла в голову мысль заняться списками избирателей. Ну а что из этого получилось, я уже описал.

Олег, у Вас здорово получается вспоминать, даже слова Б. Д. Парыгина вспомнили: «идеологическая выправка». А не напишите ли Вы новеллу о Центре изучения общественного мнения ИСЭП? В какие годы он существовал? Кто в нем работал? Как вы проводили опросы?... Думаю, что когда-нибудь кто-либо попробует написать историю изучения общественного мнения в СССР/России, пусть и этот опыт будет отражен.

Конечно, самым «правильным» автором такой новеллы был бы Олег Иванович Иванов. Многие нюансы создания этого подразделения ИСЭП мне неизвестны. Интересно, что в моей трудовой книжке нет даже записи о том, что я в таком центре работал. Да и целостной картины жизнедеятельности этого коллектива в моей голове почему-то нет. Возможно потому, что сотрудники Центра были собраны вместе в «пожарном» порядке, уровень подготовки был разный, ориентация в предметной области не отличалась однообразием. Коллектив просто еще не сложился. Так что у меня будут для вас только отдельные эпизоды, что лучше всего запомнилось.

Новелла о центре изучения общественного мнения

И самый первый эпизод это уход из сектора Б. Д. Парыгина. Очень уж не хотелось быть «неблагодарной свиньей». Ведь он меня «приютил», когда у меня никакого занятия не было, как и не было ни малейшего представления о том, чем заниматься и где. И в тот момент, когда я искал решение классического русского вопроса «Что делать?», именно Борис Дмитриевич протянул мне, то ли руку, то ли спасательный круг.

Конечно, как теперь принято выражаться, я «обставился» и организовал соответствующие звонки, как ему, так и в дирекцию. И, конечно, он об этом догадался, а может, что ближе к истине, ему об этом сказали: «отпустить и не держать зла». Расстались мы без сцен, но осадок остался – на защиту моей диссертации Борис Дмитриевич так и не пришел, хотя и был научным руководителем. Но это уже совсем другая новелла.

Очень хорошо помню, как мы с О.И. Ивановым бродили по городу и осматривали пустующие площади нежилого фонда. Два или три помещения очень подходили для Центра, но... Идея отдельного «офиса», так и осталась только идеей. Так что пришлось довольствоваться помещениями института.

Перечислю тех, кто изначально оказался сотрудником этого подразделения ИСЭП. Это Евгений Слуцкий, Татьяна Ватуля, Валентина Мартынова, Наталья Евдокимова, Дмитрий Гавра. Но это только те, кого я помню. Были и другие сотрудники.

Как я уже говорил, началось все с газетных опросов и мне опять пришлось заниматься обработкой результатов этих опросов. Что меня уже не совсем устраивало. Примерно в это же время я подготовил доклад для методологического семинара Центра о функциях избирательной системы и ее роли в общественной жизни. Мое выступление особого интереса среди новых коллег не вызвало, Олег Иванович только отметил, что «это интересная концепция». Но из моих теоретических пассажей следовало, что наиболее стабильным элементом любой избирательной системы, своеобразной «элементарной частицей», является избирательный участок. Участки, конечно, меняются в ходе изменения географической среды (новые дома в новостройках, перенарезка границ и т.п.), но происходит это относительно редко, особенно в таких районах города, где нет массового строительства. (Сельские избирательные участки – это особая статья и совсем другая новелла). Изменения в списках избирателей участка из-за переездов жителей, естественной убыли, как правило, не бывают существенными и не превышают 5% в год. Поскольку в нашей стране в списки избирателей люди попадают (до сих пор) автоматически с момента регистрации (ранее – прописки) и с момента достижения 18 лет, постольку выбывание из списка практически сразу же компенсируется естественным образом. Так что основные демографические характеристики избирательного участка остаются практически неизменными.

Более того, выяснилось, что и члены избирательных участковых комиссий, меняются довольно редко и у некоторых просто фантастический стаж работы в одной и той же комиссии.

Мой интерес к этой тематике объясняется просто. Я готовил проект проведения телефонных опросов населения Ленинграда, а это требовало очень точного задания для интервьюеров.

Надо сказать, что телефонные опросы тогда были совсем мало распространенными в нашей стране. Начнем с того, что было совсем непонятно – какая доля от всего населения (взрослого, 18-ти и старше) доступна по телефону. Справка из ЛГТС

точного ответа на этот вопрос не давала. Экспертный опрос специалистов ЛГТС говорил о том, что по телефону не будут доступны примерно около 20% взрослых жителей нашего города, т.е. именно такая доля жителей не будет иметь возможности попасть в выборку.

Замечу в скобках, что когда я начал заниматься подготовкой телефонных опросов, то решил, что быстрее всего я освою этот метод, если кому-нибудь расскажу о нем. Так всегда поступала моя мама, если ей приходилось что-то новое делать. Она при этом рассказывала анекдот про молодого учителя, который пожаловался коллегам после урока, что три раза рассказал новый материал ученикам, сам его понял, а ученики так и не поняли. Я договорился с отделением социологии на экономическом факультете о том, что прочитаю лекцию о новых методах опроса населения. Факультета социологии еще не было, он только-только начал создаваться. Не знаю, что осталось в головах студентов от моей лекции, но сам я очень хорошо понял, что надо делать с телефонными опросами.

Помимо выборки и понимания «плотности» телефонной сети, была весьма актуальна проблема, как сейчас бы сказали, рекрутинга интервьюеров. Здесь мне в некотором смысле повезло. Я читал лекции, то ли в Высшей партийной школе, то ли в Университете марксизма-ленинизма, и мне достался курс учителей и преподавателей техникумов. Люди взрослые и, что весьма важно как оказалось впоследствии, умеющие разговаривать с детьми. Замечу, кстати, что среди слушателей была младшая сестра Алисы Фрейндлих. Тогда я еще не знал, что моим первым депутатом, которого я проведу в Законодательное собрание, будет зять Алисы Бруновны, Сергей Тарасов. Знак судьбы!

Не знаю, зачем моим слушателям нужна была социология, но в качестве практики я предложил им поработать интервьюерами в телефонных опросах. Опыт оказался очень удачным. Учителя работали просто виртуозно и очень качественно. Настолько хорошо, что некоторые из них впоследствии много лет и с большим удовольствием принимали участие в наших телефонных опросах.

Еще одна проблема, которую предстояло решить – это рабочие места интервьюеров. Как я уже упоминал, отдельного офиса у Центра не было. Институт таким количеством телефонов (минимум 10) не располагал. Проблема была решена сугубо в «духе времени» – опросы проводились из помещений райкомов партии, а порой и обкома КПСС. Естественно, в вечернее время, после 18 часов.

Телефонный проект начался с темы электоральных опросов, это были выборы в Верховный Совет СССР. Потом были самые разные темы, всех уже и не упомяну. Но одна из них запомнилась очень хорошо. Это был опрос о «чаевых». Всю анкету не помню, но смысл был такой – даете ли вы на «чай», и как часто это происходит. Запомнилось мне это потому, что проведение опроса вызвало, прям таки, шквал звонков в партийные органы – райкомы и обком. «Бдительные» граждане проявили явное беспокойство. Особенно много звонков было из Дзержинского района (ныне – это часть Центрального). Как оказалось, именно здесь доля жителей, занятых в торговле, была самая большая.

И еще один эпизод, оставшейся в памяти – это преподавание курса «общественное мнение» на только что созданном факультете социологии нашего большого университета. Иванов О.И. читал лекции, а мне довелось после этих лекций вести семинары и принимать экзамен. С самого начала я предупредил студентов, что устного экзамена не будет – будет письменный. Причем письменный ответ надо при-

готовить дома, а именно написать проект краткой программы своего дипломного (или курсового, или любого воображаемого) исследования. А на экзамене будет только обсуждение этого проекта и оценка по итогам этого обсуждения. Согласились все, за исключением одного студента, который в категорической форме потребовал от меня традиционной сдачи экзамена. Спорить я не стал и сделал для него исключение. Каково же было мое удивление, когда этот молодой человек стал наизусть пересказывать лекции Олега Ивановича. Я сразу же поставил ему, от греха подальше, отличную оценку и отпустил его с миром. Вот так всегда: студент бывает двух «разновидностей», либо с конспектом, либо с концепцией.

Остальные подготовили свои проекты и за два часа мы их подробно рассмотрели. Не знаю, было ли это полезно для самих студентов, но мне – точно пригодилось.

Как закончилось мое пребывание в Центре изучения общественного мнения я, к своему стыду, не помню. Есть только запись в трудовой книжке, что я уволен в связи с переходом в другое подразделение 31.01.1992 года. Таким образом, собственно изучением общественного мнения я занимался около трех лет. Этот период хотя и был кратким, но в личном плане оказался продуктивным. Я успел защитить диссертацию по только что введенной специальности «общественное мнение». Не знаю, есть ли такая специальность сейчас. Но тогда я был одним из первых соискателей ученой степени «кандидата социологических наук» по этой специальности.

Олег, все весьма существенно. Я думаю, что Ваш рассказ о работе над кандидатской диссертацией, о защите дополнит сказанное... пожалуйста

Новелла о том, что такое диссертация

Вообще говоря, эта новелла самая короткая. Сел собственно за стол и начал писать 8 февраля 1991 г. А 8 апреля была предзащита, 4 июня – защита на социологическом факультете университета. Чуть больше ста дней. Но с момента моего поступления на работу в ИСЭП прошло почти 13 лет.

Скажу честно, очень долго не мог понять, что это такое и зачем это надо. А главное – кому. Возможно, поэтому эта процедура у меня затянулась на большой отрезок времени. Так бы это и продолжалось бесконечно до тех пор, пока один умный человек мне убедительно не показал, что ЭТО надо только одному человеку – мне самому! И совсем не для того, что бы получить квази-общественное признание в виде ученой степени, а для того, что бы поднять собственное уважение. Может быть самоуважение в научной работе гораздо важнее общественного признания твоих заслуг, которое, как показала современная практика, можно легко «организовать». По крайней мере, это сделать легче, чем написать «нормальную» диссертацию.

Как бы то ни было, но изрядное количество времени у меня ушло на выбор темы. Те исследования, которые я делал или в которых принимал участие, были хороши всем, кроме одной детали – они мне не нравились. А как выражался Парыгин Б. Д., диссертация это особый жанр и в нем надо уметь работать и лучше всего это делать тогда, когда тебя это устраивает по всем составляющим.

К тому же, об этом следует упомянуть, с течением времени у меня накопился определенный опыт участия в написании «чужих» диссертаций. Почти все аспиранты Парыгина (отмечу в скобках – и не только его аспиранты) обращались ко мне с прось-

бой помочь подготовить результаты исследований для второй главы диссертации, т. е. посчитать, придумать интересные таблицы и т.п. Так что оставалось только освоить в целом и этот вид научной работы – подготовка собственной диссертации.

Но, скорее всего, я с самого начала работы в ИСЭП не совсем правильно понял распространенное выражение «для души». Именно так можно оценить мои действия тогда, выполняя много исследований по всяким разным заказам, «для души» писал совсем другие работы. А может быть, на меня подействовало тогда модное выражение и даже «способ действия» – «писать в стол», т. е. что-то писать, но никому не показывать, а только рассказывать. Вот, мол, что-то пишу. Распространенное было явление такое среди многих моих знакомых и не только.

Начал я очень глобально, с категорий «закон» и «закономерность» в общественности. Получилось пару печатных листов убойного, как мне казалось, текста, о целях и предназначении общественных наук (ни много ни мало!). Замечу сразу, что это был не рукописный текст, со студенческих лет приучил себя сразу или почти сразу печатать на машинке. Сейчас, когда компьютеры есть у всех, это кажется диким, но тогда, в начале 80-х, напечатать на машинке большой текст было целым событием.

Однако знакомый аспирант с философского факультета, честно прочитав все 50 страниц, сказал, что лично он ничего против моей точки зрения не имеет, но не советует соваться с этим трудом на философский факультет, мол, это «плохо закончится» для меня. Собственно «соваться» я и не собирался, просто хотел убедиться в том, что не являюсь, как теперь модно полит корректно говорить, «альтернативно одаренным» в философском смысле.

Следующим шагом «работы в стол» было эссе о социальных нормах. Помню, меня тогда «возмутило» мнение коллег о регулятивных способностях социальных норм, хотя даже по общепринятому определению такой способностью они обладать не могли. Я даже провел филологическое изыскание и насчитал, если память мне не изменяет, около сорока синонимов этого термина. Это эссе я уже использовал как реферат для поступления в заочную аспирантуру ИСЭП. Но судьба распорядилась иначе, свои изыскания о социальных нормах я так и не закончил, зато накопил много материала по изучению общественного мнения.

Речь идет о реализации проекта телефонных опросов по репрезентативной выборке, основанной на анализе списка избирателей. Это была полностью «моя» тема от первой до последней буквы. Да и я в то время полагал, что само существование Центра изучения общественного мнения, его исследования, должны базироваться на знании генеральной совокупности, основанной на объективном источнике.

После трудных переговоров с аспирантурой и научным руководителем, поменял тему, и в конечной редакции она стала звучать следующим образом: «Пути изучения общественного настроения в условиях реализации радикальной политической реформы».

Как я уже отмечал, написал работу очень быстро. Но у меня вряд ли что-либо получилось, если к тому времени не появились компьютеры. Собственно текст был набран на компьютере практически одновременно с написанием, т. е. я сразу делал электронную версию. Саму диссертацию напечатал за один день, при этом работало сразу три принтера, т.е. одновременно печаталась сразу целая глава. Потом осталось только сделать четыре хороших копии на приличном ксероксе. На это ушло еще три или четыре дня. Диссертация была готова.

Сознательно опускаю моменты организационного характера, переговоры с Ученым советом, подготовка всех нужных бумаг и т.п. Хотя казусов было много, к примеру, почему все копии диссертации в первом экземпляре? Ученый секретарь совета долго не мог взять в толк, как именно мне это удалось сделать, и выражал сомнение в том, что у меня в этом варианте работу можно принять к защите. Возникли проблемы и с оппонентами. В самый последний момент выяснилось, что один из них не может им быть по чисто административным соображениям. Буквально в самый последний момент удалось найти замену, и у меня оказались в оппонентах два доктора наук, вместо одного. Это опять же вызвало бурю негодования у Ученого секретаря, и лишь вмешательство Председателя спасло ситуацию.

Защита прошла в нормальном режиме, и даже банкет по этому случаю мне удалось-таки организовать, хотя они и были в то время запрещены в категорической форме.

Хотя все и прошло нормально, и этот вид научной работы я успешно освоил, но чувство некоторого разочарования осталось. К моменту защиты в теме я уже продвинулся значительно дальше того, что было вынесено на публичное обсуждение.

Кандидатский диплом утвержден 4 декабря 1991 года, а через 22 дня СССР прекратил свое существование.

Действительно, история подготовки диссертации «лихая». Но теперь немного о сути сделанного. Тема, безусловно, была актуальной, учитывая низкий уровень телефонизации населения Ленинграда в ту пору, телефонные опросы были искусством. Олег, что удалось тогда показать, доказать?

Новелла о «проверке практикой»

Я должен возразить Вам, уровень телефонизации населения Ленинграда в то время уже все-таки не был низким, 8 из каждых 10 зарегистрированных избирателей были доступны по телефону. С остальными была беда, особенно с военнослужащими срочной службы, да и голосовали они тогда на закрытых участках, так что при всех моих возможностях добраться до них по телефону было нельзя.

Известную трудность представляли собой и люди без определенного места жительства. Но они заведомо не попадали в списки избирателей, и точное их число мне установить не удалось, хотя, вне всякого сомнения, они тоже были жителями города, но не избирателями.

В части коммунальных квартир не было телефонов. Как показало более подробное знакомство с проблемой, в таких квартирах проживали преимущественно жильцы, кто был на грани попадания в категорию «без определенного места жительства». Такие жители встречались и в отдельных квартирах, где телефонов так же не было. В совокупности их можно было считать слабо социализированными представителями избирателей. И все они попадали в тот самый остаток «недоступности» по телефону.

Остаются только горожане, проживающие в общежитиях различного типа. Но до таких избирателей дозванивались по «служебным», т.е. административным телефонам. При известной методической изворотливости они оказались доступными для опроса.

Условно, телефонную коммуникацию, которая сложилась в Ленинграде к концу 80-х годов, и которую я как раз использовал для проведения опросов, можно назвать как «семейно-коммунальную».

Наконец, хотя это и оказалось практически самым главным для телефонных опросов, удалось на карте города разместить все АТС. Это первые три цифры в номере телефона и они имеют достаточно точную территориальную (географическую) привязку. А это уже непосредственно связано с самой сложной проблемой любой выборки – ее размещением.

Понятно, что все это, что написано выше, до поры до времени представляло собой только умозрительные утверждения. Хотя сейчас и не модно так говорить, но нужна была «проверка практикой». Такая возможность представилась в ходе выборов в Верховный Совет СССР в марте 1989 г.

Наши экспериментальные опросы, а работал я естественно не один, а в окружении трех прекрасных дам: Татьяны Ватуля, Натальи Евдокимовой и Валентины Мартыновой, показали очень хороший, как я считаю, результат. Не помню точно, а результаты нигде не публиковались, но в среднем ошибка прогноза исхода голосования по всем трем округам не превышала 0.5%.

Таким образом, телефонные опросы по репрезентативной выборке, основанной на списках избирателей, оказались весьма продуктивными, и очень технологичными – опрос обычно заканчивался в 21.30, а уже утром результат обработки был готов и мог быть использован. Не знаю, можно или нет говорить о некоторой технологии исследования, но тогда я это воспринимал именно так. По крайней мере, все эти процедуры и были положены в основу моего диссертационного исследования. Кстати, Вы, Борис Зусманович, были одним из моих рецензентов в процедуре защиты. А ведущей организацией был Институт социологии АН СССР.

Олег, да помню, опросы 1989 года прекрасно помню, это когда начались уличные опросы Леонида Кесельмана, когда Юрий Болдырев победил в своем округе Первого секретаря Ленинградского Обкома КПСС Юрия Соловьева. Но о выступлении на предзащите забыл. Поддержал или нет? В конце 1992 года Вы прекратили работу в Центре изучения общественного мнения ИСЭП АН СССР. С тех пор прошла, считаем, четверть века. Можно ли назвать главные направления Ваших исследований? Здесь уже менее важна хронология, интересны предметные ниши...

Да, Леонид тогда гремел со своими опросами. Отмечу в скобках, что позднее его метод стал применяться для реализации агитационных выборных стратегий. Сам я не применял, но имел счастье наблюдать. Как, впрочем, и телефонные опросы стали одним из приемов агитации. Грешен, в этом я уже принимал участие.

А Юрий Болдырев выиграл выборы у Герасимова, тогда первого секретаря Горкома КПСС. У Соловьева вообще не было конкурентов, и он боролся за процент голосов – 50% +1 голос. Не получилось. Знаю это очень хорошо, поскольку именно в этих округах и проводились экспериментальные прогнозные телефонные опросы. Третьим округом был тот, в котором баллотировался Фатеев, один из секретарей Обкома КПСС.

Вы не выступали на моей предзащите. По тогдашней процедуре были рецензентом, т.е. писали рецензию. Инициатором этого был Парыгин, т.е. именно он настоял на том, что бы официальным рецензентом были именно Вы. Я Вас уговорил. Помню, после всех формальностей мы с Вами сели в одной из аудиторий ВПШа и я услышал

все, что Вы об этом думаете. Это было крайне интересно, потому что к тому времени Вы были единственным человеком, кто прочел диссертацию. Даже научный руководитель не читал, а только просмотрел оглавление и список литературы. Вы поддержали защиту, а одно из предложений я принял к исполнению. Изменил название одного из параграфов. Для меня это было весьма существенно.

Новелла о пост советской жизни

На следующий день после защиты диссертации мне пришлось решать две сложные проблемы. Во-первых, вытащить из вытрезвителя одного приятеля, который так увлекся празднованием, что уже после весьма скромного банкета решил продолжить в других местах и не смог добраться до дома. В тот момент я очень оценил правильность запрета на банкеты после защиты. Но деваться было некуда – пришлось вызволять и ликвидировать последствия, т.е. устроить так, что бы никаких «телег» на работу приятелю не посылали. С этим удалось справиться.

Во-вторых, параллельно я вел переговоры с другим моим приятелем. Я его уговаривал стать директором Регионального Телевидения. Все документы были готовы, оставалось найти только «застрельщика». Времени и сил убил вагон, но и эту задачу решил успешно. Впоследствии, для Регионального Телевидения было сделано много исследований под общим названием «Включенный телевизор».

Это исследование, как и целый ряд других, было сделано под «крышей» фирмы, которая называлась «ProContEx», в которой я был научным руководителем. По-русски название звучало бы так: «За, против, быстро». Это была одна из первых в стране частных региональных контор изучения общественного мнения. Была даже попытка издавать что-то вроде вестника, в котором публиковались бы результаты опросов. Вышло несколько удачных номеров, сейчас уже не припомню – сколько именно. Но «затяя» полностью не состоялась по разным причинам и постепенно сошла на нет. А на материальной базе конторы позже была организована товарная биржа, которые тогда появлялись как грибы после дождя.

Параллельно я участвовал в большом количестве проектов, связанных со словом «регион». Это было целое поветрие тогда, апогеем чего была знаменитая фраза Ельцина: « Берите суверенитета, сколько сможете проглотить ...».

Это и работа в Центре региональной политики и политической социологии ИСЭП АН СССР, и участие в журнале «Региональная политика», журнале «Регион», уже упомянутом «Региональном телевидении». Был даже «Региональный фонд». Не знаю всех юридических и финансовых особенностей этих проектов, поэтому ничего не могу сказать и о причинах их закрытия через несколько лет.

Припоминаю, что было какое-то маркетинговое исследование, которое мы делали совместно с Валерием Голофастом, Татьяной Протасенко, Олегом Божковым и Татьяной Ватуля. Вроде как про консервированный суп или что-то в этом роде. Как мы с Божковым сидели всю ночь у меня дома и обсчитывали результаты, можно сказать, до посинения. У меня это был первый опыт маркетингового исследования, потом их стало больше. Но первый опыт остался в памяти.

Потом был небольшой период работы в питерском филиале Института социологии, в проекте Костюшева В.В. о проблемах протеста. Замечу, что тема очень занимательная и у меня с ней связан любопытный эпизод.

Где-то с 90-го года мы постоянно включали в анкеты вопросы о готовности протестовать против органов власти, если есть несогласие с их решениями. Когда накопилось несколько таких наблюдений, я заметил, что индекс готовности к протесту колеблется в постоянных пределах, если правильно помню, 14% +/- 5. То есть от 9% до 19%. Но чаще встречались именно 14% с копеечками. Интерпретировал тогда этот факт я так: чем ближе к 9%, тем больше социальной анемии, чем ближе к 19%, тем больше социальной напряженности и возможности всплеска уличной активности. Так, 19 августа 1991 г. индекс был больше 20%, если правильно помню, а на Дворцовой площади – огромный митинг. Никакой теории – просто эмпирическое наблюдение подручными (телефонный опрос) средствами.

Так вот, делали мы совместно с Татьяной Протасенко исследование по заказу отдела социальной политики городской администрации. И я механически этот индекс включил в анкету, никакой «задней» мысли у меня не было. А когда писал отчет, то обнаружил, что индекс готовности протестовать приблизился к 19%. Я и написал, что не исключены уличные эксцессы.

Поехал в Смольный отчет сдавать. Сажу в приемной, жду Татьяну, она должна была привезти свою часть отчета. А ее все нет и нет. Сотовых телефонов тогда еще не было, а по домашнему никто не отвечает. Волнуюсь, переживаю, думаю, слава Богу, заказчика пока на месте нет, отчет сдавать некому. Где-то через час, а может и больше, вбегает Протасенко, «вся в мыле» в буквальном смысле слова, глаза горят недобрым светом. И с порога ошарашивает меня: «Сидела в троллейбусе на Невском. Его перекрыли какие-то тетки и дядьки, кричат и бунтуют!» Вот так. А я только вчера об этом в отчете написал. Ну, это просто к слову пришлось.

Не могу не отметить многолетнее сотрудничество с Романом Могилевским, которое началось примерно в это же время и продолжается до сих пор. Вначале это был Гэллап, затем Агентство Социальной Информации Санкт-Петербург. В какой-то момент времени более активную роль в этом сотрудничестве стали играть дети Романа Могилевского и Татьяны Шайдаровой – Олег Могилевский и Никита Шайдаров. Это сотрудничество касалось не только электоральных исследований. Были и другие актуальные темы. Многие удалось реализовать, но и многое осталось только в виде проектов, к завершению которых, я надеюсь, мы еще вернемся.

Но это была «эпоха перемен», жить в которую весьма трудно. Окончание этой эпохи я датирую мартом 1994 года, когда состоялись первые выборы Законодательного собрания, существующего и по ныне. Именно это событие весьма существенно повлияло на меня.

Как это часто бывает в жизни, произошло все случайно. Один из моих знакомых по «региональным» делам предложил мне оказать консультационные услуги своему приятелю, который собрался стать депутатом нового законодательного органа города. Этим человеком был Сергей Тарасов. Консультации закончились тем, что сам того не желая, я оказался в роли руководителя его избирательной кампании. Через некоторое время кандидатов стало больше. Тарасовские друзья и коллеги по бизнесу решили попробовать свои силы в качестве кандидатов в депутаты.

Как это ни странно, но опыт оказался успешным. Тарасов, как и некоторые другие, стал депутатом, а впоследствии и Председателем собрания. О чем, как раз мы с ним и договаривались с самого начала, если идти, то до самой вершины этого энергетического уровня.

Собственно с того времени и по сей день я и занимаюсь всеми этими электоральными делами. Или как руководитель кампании, или как руководитель креативного и информационно-аналитического обеспечения, в котором как раз социологии выше крыши.

Вначале это был только Санкт-Петербург и его окрестности, а с 1999 года и другие регионы страны, в том числе и бывшие республики СССР.

Работа в других регионах нашей огромной страны оказалась весьма увлекательным занятием с самых разных точек зрения.

Когда смотришь на карту России, узнаешь о часовых поясах, то понимаешь – страна большая. Но это чисто умозрительное знание, чувства и эмоции отсутствуют. В этом я убедился, когда первый раз летел из Москвы на Камчатку. Полет длится 9 часов без посадки. Навстречу солнцу. Повезло, было начало мая и над всей страной – безоблачное небо. Звучит зловеще, но не стоит путать с Испанией – это не пароль, а просто констатация факта. Самолет оказался полупустым и весь полет я переходил от иллюминатора к иллюминатору и смотрел на это грандиозное, и даже фантастическое зрелище. Просторы необъятные и совсем неосвоенные – внизу ни одного огонька. Угомонился только тогда, когда летели над Охотским морем, сколько потом не летал, так его ни разу и не увидел, практически всегда стояла густая облачность.

Я это к тому, что многие (не все) электоральные командировки оказались моими личными географическими открытиями, о чем можно было бы написать очень и очень много. Ни при каких других обстоятельствах я бы не смог совершить все эти путешествия и эти открытия так и остались бы на карте, но не в моих впечатлениях и пережитых эмоциях.

Но любое географическое открытие всегда, так или иначе, связано с людьми. Довелось познакомиться с огромным количеством людей, с большинством из которых сохранились добрые отношения и по сей день.

Понятно, что весьма часто приходилось иметь дело с местными социологами. Без казусов, конечно, не обходилось.

Так, в Алма-Ате, я попросил сделать анкету как по-русски, так и по-казахски. Мне было сказано, что это невозможно, причем говорил мне это казах. На мой немой вопрос я получил ответ следующего содержания: «Казахский язык очень многозначный, только понятий «черный конь» существует, чуть ли не 40». На мое возражение, что, мол, опрос будет не о конях, было сказано, что лучше только по-русски, так как адекватных слов может и не быть.

В одном из городов Центральной России местный социолог, преподаватель этой дисциплины в университете, долго не мог взять в толк, каким это Ядовым я клянусь. Вот тут впервые почувствовал себя первохристианином, они испытывали, вероятно, такие же чувства.

Самые большие сложности в общении с местными социологами, если таковые были, всегда вызывал вопрос о списках избирателей. Как правило, долго и нудно приходилось объяснять для чего и зачем это надо. Возражение всегда было одно и то же – есть, мол, официальная статистика. В конце концов, я стал прибегать к такому приему – советовал пересмотреть еще раз фильм Эльдара Рязанова «Служебный роман». Это действовало.

Как правило, у широкой публики, да и у заказчиков, наибольший интерес имеют рейтинги кандидатов на должность и прогнозы исхода голосования. Но в действительности, это не является такой уж сложной научной проблемой. Тогда как гораздо интереснее и полезнее «вычислить» победителя заранее, еще до начала активной стадии кампании. Как говорит Татьяна Ватуля: «Работать надо только с победителями». Конечно, победителей на всех не хватает, поэтому иногда приходится нарушать это правило и работать с тем кандидатом, кого «Бог послал». А рейтинги полезнее смотреть у «конкурентов», а иногда и заказывать им эти рейтинги.

Верно, Кесельман даже опасался, что в тот момент избиратели не знали еще фамилию Болдырева, и Леня говорил: «Парень с черными усиками». Сколько воды с тех пор утекло... уже скоро – четыре года как не стало Леонида...

Где Вы сейчас работаете? Преподаете ли? Ведь у Вас огромный аналитический и консультативный опыт...

Ну да – усики, кепка, яблоко, серп и молот, медведь и т.п. – хорошие зарубки для массового сознания. А с Леонидом с ИСЭПовских времен практически не общался, только изредка, эпизодически пересекались.

Новелла без названия, а стало быть, заключительная

Опыт работы в избирательных кампаниях дал мне возможность познакомиться не только с большим и гораздо более широким кругом людей, но и в той или иной степени овладеть навыками совсем других, не социологических, профессий. Судьбе было угодно распорядиться так, что рядом со мной работали если не самые лучшие, то, как минимум, одни из самых лучших представителей журналистского цеха. Тут поневоле всему научишься!

Особо хочу выделить Владимира Семеновича Мартыненко. Только теперь, когда его не стало, я понимаю, насколько сильное влияние он на меня оказал. Любую задачу всегда решал легко и непринужденно, с шутками и прибаутками. А потом оказывалось, что прямо на твоих глазах изобретался новый электоральный агитационный шедевр. И никаких компьютеров, только шариковая ручка, иногда фломастер и чистый лист бумаги. Эскиз, по которому потом работали дизайнеры, рождался из ничего, иногда даже фотографий не было, их уже потом делали под эскиз Семеныча. Его находки и сейчас «работают» в избирательных кампаниях в самых разных регионах страны.

Под статью Семенычу, были и другие его коллеги, которые привлекались как раз именно с его подачи. Так что через некоторое время я «поднатаскался» и чувствовал себя вполне уверенно, когда приходилось сталкиваться с представителями этой профессии из других городов. Особенно, если они начинали «быковать» или просто саботировать работу. И если случался конфликт интересов, то я легко обходился и без их участия. Так, пришлось освоить телевизионный жаргон, типа «яичный и молочный» план, «синхрон», «картинка», «бантик»... Быть сценаристом телевизионных программ, рекламных роликов и короткометражных фильмов, одновременно совмещая это с ролью режиссера. Брать интервью или писать его с чистого листа, даже без присутствия героя и без его участия, сочинять «героическую» биографию. Верстать предвыборную газету и заполнять ее «авторскими» материалами. Быть «голосом за

кадром», озвучивать радио ролики и т.п. Но вот освоить высокое искусство фотографии я так и не сумел, как ни старался. Сюжет фотографии вижу, словами могу описать, а вот сделать достойное фото не могу. Прямо беда!

Приходилось выполнять и функции юриста, но потом избирательное законодательство усложнилось до такой степени, что теперь приходится нанимать профессионального юриста. Конечно, лучше привлекать специалиста, но утвержденный бюджет не всегда позволяет это сделать, а вперед надо двигаться.

Я это к тому, что не социологией единой жив... социолог! В жизни много заездов. По мере сил до сих пор читаю лекции и веду всякого рода семинары. А так вхожу в состав совета директоров одной совместной Московско-Питерской консультативной конторы с характерным названием «РосПолитКонсалтинг». Из названия понятно, чем занимается это учреждение.

Когда Вы говорите, что опыт работы в избирательных кампаниях дал Вам возможность в той или иной степени овладеть навыками совсем других, не социологических, профессий. Вы имеете в виду комплекс знаний и умений, обеспечивающих успех деятельности политконсультанта? И что этот комплекс включает?

Очень хорошо, что Вы используете термин «политконсультант», а не «политтехнолог». К последнему термину я не очень хорошо отношусь, хотя и присутствовал при его «рождении», точнее, при начале его использования в практической жизни нашей страны. Вся политтехнология изложена в Законе «Об основных гарантиях...». Очень длинное название – это Закон о выборах в последней редакции. Так что электоральный юрист и есть политтехнолог в прямом смысле слова.

Я имел в виду, что пришлось освоить азы журналистской работы, но это нельзя считать чем-то комплексным и всеобъемлющим. Скорее, это надо для того, что бы уверенно себя чувствовать в общении с представителями этой специальности и для адекватной оценки результатов их работы. Журналисты, порой, склонны переоценивать свои возможности и реальную роль в процессе избирательной кампании. Впрочем, это свойственно и всем остальным участникам процесса. Так что главное – найти баланс.

В общем случае, для консультирования одно из самых важных качеств это умение вести переговоры. Не знаю, можно ли этому научиться. Во всяком случае, я специально не учился, и все получилось как-то само собой. Однако отмечу, что самые сложные переговоры, если до этого доходит, это контакты с так называемым «Политбюро» кандидата. Это такая референтная группа, которая возникает под боком у любого кандидата. Состоит она, как правило, из близких друзей и родственников, которые, естественно, желают только «добра». Никакого формального статуса эта группа не имеет, но степень ее «вредности» от этого не уменьшается. И часто приходится считаться с пожеланиями доброхотов. Лишь немногие кандидаты способны адекватно реагировать на пожелания членов политбюро и часто сил на их убеждение надо потратить значительно больше, чем на все остальное. Иногда «политбюро» не выходит из тени, но оно всегда есть и его влияние всегда ощущается.

Выделю и еще один, с моей точки зрения, важный момент политконсультирования. В кампании любого уровня всегда возникает ситуация многих каналов информации, каждый из которых необходимо оценивать с точки зрения достоверности. Со временем выработался простой, но весьма надежный способ проверки надежно-

сти получаемых данных. Всегда надо спрашивать носителя такой информации: «Вы так думаете или знаете?». Обычно ответ на этот простой вопрос давал очень хорошие результаты. Мнений всегда много, но достоверных – не всегда.

И последнее. Для внешнего наблюдателя избирательная кампания всегда представляется как некоторый набор публичных событий, вокруг которых и строится вся стратегия. На жаргоне журналистов это называется «инфоповодом» или «подвигом». Если в реальности ни того, ни другого не наблюдается, то это придумывается в прямом смысле слова. Тут уж все зависит от степени «приличности» и «изошренности» авторского коллектива. Создание виртуальной реальности – неотъемлемая составная часть выборов практически любого уровня. И здесь ничего нового нет, так еще поступали в Великом Новгороде во времена оные, когда готовили вечерние мероприятия. Тогда только это называлось не столь благозвучно, да и каналы межличностного информирования были ограниченными. Коллеги как раз и считают, что это и есть политтехнология – создание виртуальной реальности.

Из-за Океана иногда кажется, что в России нет активной политической жизни: одна суперпартия, жесткое законодательство в области проведения митингов, сложности с регистрацией тех, кто планирует участвовать в выборах, давление административного ресурса и т. д. В какой мере это верно? Какова все же роль политконсультанта в организации избирательной кампании тех, кому они отважились помочь?

А у Вас получился вполне себе каверзный вопрос. Звучит как обвинительное заключение. Но в той же мере верным будет и прямо противоположное утверждение: зарегистрировано огромное количество партий, что-то порядка 70–80, тщательно и весьма подробно прописаны законы о митингах и прочих публичных мероприятиях и все это – в соответствии с Конституцией. Стать кандидатом в депутаты может практически любой гражданин, было бы желание и смелость, органы власти оказывают любую, в т.ч. и методическую помощь всем кандидатам, независимо от политической ориентации. Степень истинности этих суждений приблизительно одинакова.

А раз из-за Океана кажется, то так оно и есть на самом деле. Как известно, Янош Кадр всегда ходил в Будапеште под зонтиком, когда в Москве шел дождь.

Если серьезно, то ответ лежит в плоскости анализа изменений в избирательной системе, процесс формирования этого общественного института в России находится только в самом начале. Насколько мне известно, такое исследование еще ждет своего героя.

Роль политконсультанта пока никак не изменилась, осталась той же – консультировать. Тут классика жанра, приходит кандидат и спрашивает: «Что делать?». Как известно, в России есть два варианта ответа на этот вопрос, по Чернышевскому и по Ульянову-Ленину. Впрочем, это уже совсем другая история.